

Юная жена

Автор:

Майя Бэнкс

Юная жена

Майя Бэнкс

Юная Эвелин Армстронг не ждет чудес и покорно идет под венец с мужчиной, которого выбрал для нее отец, – мужественным и суровым Грэмом Монтгомери.

От нее требуется быть хозяйкой в замке супруга и родить ему наследников – о счастье же речь не идет...

Однако под внешней суровостью Грэма таится доброта и жажда любви. И бесхитростная красавица молчунья с солнечными волосами и сияющей улыбкой пробуждает в нем не только страстное желание, но и нежность, стремление защитить ее и сделать счастливой...

Майя Бэнкс

Юная жена

Maya Banks

NEVER SEDUCE A SCOT

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. и литературного агентства

Nova Littera SIA.

© Maya Banks, 2011

© Перевод. Е.В. Моисеева, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

* * *

Пролог

Мир пришел в горы. Земля издавала ласковые звуки благодарности за краткие мгновения отдыха от злобы, насилия, кровопролития. Снега исчезли. Тепло долгих дней прогнало их прочь. Наступила весна. Пышные травы зазеленели между скальными выходами и огромными валунами, преобладающими в здешнем ландшафте.

Все было прекрасно. Теперь король Александр II мог бы сосредоточиться на других проблемах, если бы не одно очень важное дело.

Его самые могущественные союзники, два мощных клана, на дух не переносили друг друга. Монтгомери и Армстронги пребывали в состоянии войны, и это была не просто наследственная вражда. Однако король не имел ни времени, ни желания терять из-за междоусобицы столь ценных приверженцев. Сейчас, когда сошли снега и ночи сделались короче, борьба возобновится и опять будут гибнуть воины.

Вот почему король решил действовать и разработал план ненасильственного примирения злейших врагов.

Однажды утром, когда солнце еще не успело подняться над горизонтом, он послал двух всадников, которые должны были сообщить королевскую волю лэрду Армстронгу и лэрду Монтгомери.

И, черт возьми, он надеется, что они не поубивают друг друга на свадьбе.

Глава 1

– Что за бред?! – воскликнул Боуэн Монтгомери. – Он не может связать тебя с этой маленькой дурочкой, дочерью нашего злейшего врага!

Грэм Монтгомери мрачно посмотрел на брата, не в состоянии выразить словами ярость, бушевавшую в груди. Посланец короля уже отбыл и даже пересек границы владений Монтгомери. Грэм позаботился об этом. Он считал, что король предал его, и больше не желал видеть в своих пределах ни одного представителя короля.

– Да она совсем дитя, – с отвращением сказал Боуэн. – И к тому же она... да всем известно, что у нее не все дома. Черт подери, что тебе с ней делать?

Грэм поднял руку, призывая брата к молчанию. Его пальцы дрожали от гнева. Повернувшись, он зашагал прочь от Боуэна. Чтобы он мог осознать ущерб, нанесенный ему и всему клану, требовалось уединение.

Король, пытаясь прекратить вражду между двумя соперничающими кланами, не просто издал указ о бракосочетании. Он весьма эффективно покончил с надеждой Грэма передать власть своим наследникам. Потому что в таком случае наследников не будет.

У него не будет сына, который мог бы унаследовать титул лэрда, и одному из его братьев – Боуэну или Тигу – придется взять на себя эту обязанность и обеспечить роду наследника, чтобы имя Монтгомери не исчезло навеки. Клан вообще может решить, что лэрдом должен стать один из его братьев, ибо сам Грэм получит жену, которая не сможет занять подобающее место в клане и у него не будет наследника.

Проклятие! Как мог его сеньор так поступить? Ведь он отлично понимал, на какое будущее обрекает Грэма.

По узкому коридору он прошел из главного зала в маленькую приемную. В комнате было темно. Окна еще были завешены шкурами. Грэм не стал их отдергивать, а зажег свечу от одного из светильников на стене коридора. Толку от свечи было не много, но Грэм без труда прошел к прочному столу, за которым не одну ночь просидел его отец, скрипя пером в учетной книге. Старый лэрд был скуповат и точен до мелочей. Он учитывал всякую ценность, принадлежащую клану. Но сердце у него огромное – величиной с гору, – он был справедлив и следил, чтобы у каждого имелось все необходимое. Все были одеты и накормлены, даже если ему самому доставалась меньшая доля. Не проходило дня, чтобы Грэм не вспоминал о нем с тоской.

Тяжело опустившись в кресло с изогнутой спинкой, Грэм пробежался пальцами по истертому дереву подлокотников, и ему показалось, что дух отца здесь, с ним.

Свадьба. С одной из клана Армстронгов. Это немыслимо! А тут еще Боуэн со своей болтовней о том, что девчонка полоумная. Грэм никогда не задумывался над слухами, что она с чудиной. Это его не касалось. До нынешнего дня. Все знали, что девушка не такая, как все, и что Армстронги стоят за нее горой.

Она даже была помолвлена с одним щенком из клана Макхью. Вождь клана Тэвис Макхью заключил союз с Армстронгами, потому что с ними он становился силой, с которой приходилось считаться. Сами Монтгомери никогда не ладили с

Макхью. Те, безусловно, имели отношение к смерти отца Грэма, однако Грэм знал, кто несет за нее непосредственную ответственность. Именно Армстронги заслуживали его ненависти.

Он не сожалел, что помолвка расстроилась и семьи не оказались связаны формальными узами родства. Армстронги не спешили устанавливать контакты с соседними кланами, им это было ни к чему. Они сами представляли собой такую силу, что могли бы одержать победу в любой битве, если бы только против них не выступали сообща объединившиеся войска других кланов.

Тэвис Армстронг оказался точно таким же, каким был его отец: не полагался на договоры и обещания, никому не давал возможности предать его и благополучие клана держал в собственных руках.

Не будь они злейшими врагами, Грэм, пожалуй, мог бы уважать решимость, с которой Тэвис управлял кланом, и его принцип никогда не рассчитывать на чужую поддержку.

Когда помолвка между дочерью Армстронгов и сыном Макхью расстроилась, причин этого никто не называл; правда, шептались, что у девицы не все в порядке с головой. Армстронги были не слишком общительны и предпочитали держаться особняком, а потому об их единственной дочери было мало что известно.

Нет, Грэм не сожалел, когда та свадьба не состоялась. Он отлично знал, что Макхью использует родство с Армстронгами против его, Монтгомери, клана. Макхью хотел получить больше земли и больше власти, а владения Монтгомери были ему как кость в горле, потому что запирали его на севере.

И что теперь делать, если Грэму навязывают женщину, о которой он почти ничего не знает? Мало того что она сумасшедшая и не может исполнять обязанности жены, так она еще из враждебного клана! Да будь она самой лучшей женщиной в горах Шотландии, Грэм не захотел бы иметь с ней дело!

Нет, если он решит жениться, то выберет невесту из собственного клана. Он никогда не возьмет женщину, союз с которой приведет к раздорам, вражде, опасности для его клана. А в случае с Эвелин Армстронг будет именно так.

– Грэм? – тихонько донеслось от двери.

На сердце у Грэма потеплело. В приоткрывшуюся щелку обеспокоенно заглянула его сестра Рори.

– В чем дело, милая? – спросил Грэм, жестом приглашая ее войти.

Рори исполнилось пятнадцать лет, но внешне она очень отставала от своих сверстниц, большинство из которых уже обладали женственными формами и развитой грудью. Рори же по-прежнему оставалась тоненькой и легкой. Ее можно было принять за мальчика, если бы не поразительно красивые зеленые глаза и нежное лицо.

Имея троих взрослых братьев, Рори должна была бы привыкнуть ко всему, но на деле была более застенчивой и тихой, чем любая из знакомых Грэму девиц. Но только не в обществе своих братьев. Ими Рори смело командовала, с ними держалась уверенно и не чуралась проказ. Остальных членов клана предпочитала избегать и старалась держаться от них особняком.

– Это правда? Ну, то, что сказал Боуэн? – Теперь Рори была всего в нескольких футах от Грэма, стояла перед столом, на котором лежали его тяжелые кулаки. – Ты женишься на одной из Армстронгов?

Грэм внимательно посмотрел ей в лицо – не испугалась ли? Он сделает все, что угодно, лишь бы избавить ее от страхов. Рори тяжелее всех переживала смерть отца – именно она была его любимицей. И она больше всех остальных считала Армстронгов чудовищами.

Однако на лице Рори читались лишь тревога и недоумение.

– Так распорядился король.

Сестра нахмурилась.

– Но зачем? Как он мог так поступить с нами?

– Не тебе обсуждать его повеления, – не слишком сурово отозвался Грэм. Разве можно упрекать ее за непочтительность к королю, если он и сам задает себе тот же вопрос.

– Они убили папу, – мрачно заявила Рори. – Разве может быть мир между нами? Как может король считать, что, заставив тебя жениться на одной из них, он что-то изменит?

– Ну, тихо, тихо, – мягко остановил ее Грэм. – Хватит, Рори. Нас призывают к Армстронгам, к ним мы и поедем.

На лице сестры тотчас отразился ужас.

– Поедем к ним? На их земли? Где они могут всех нас убить? Почему они сами не хотят к нам приехать? Почему только мы должны жертвовать всем? Что они сделали, чтобы заполучить расположение короля?

На губах Грэма промелькнула улыбка, его позабавило предположение сестры.

– Не думаю, что приказ отдать мне в жены свою дочь они расценивают как королевскую милость. Скорее всего им это дело нравится не больше, чем нам.

– Говорят, она с приветом, – сообщила Рори.

Грэм вздохнул.

– Думаю, на свадьбе мы все узнаем, как же иначе?

В этот момент из коридора раздался зычный голос Тига.

– Грэм! Черт побери, где ты?

Грэм снова вздохнул. Рори быстро улыбнулась, и тут, в поту и запекшейся крови, в дверь ввалился Тиг.

– Скажи, что это вранье! – рявкнул он.

– Ты оставил тренировочный бой, чтобы узнать, правду ли сказал тебе Боуэн? – спросил Грэм. – Решил, что он может соврать и что следует бросить свои обязанности и кинуться ко мне, чтобы задавать свои вопросы?

Тиг нахмурился, начал что-то бормотать, но умолк, только сейчас заметив, что их слушает сестренка. Он закрыл рот и опустил взгляд на покрывавшие его одежду пятна крови.

Рори была не такая, как все, другая. Для большинства женщин их клана кровь, насилие, битвы были частью жизни. Как еда или сон. Но Рори такая чувствительная. Бледнеет от вида крови, ненавидит боль и насилие.

– Черт возьми, Грэм! Перестань хоть на минуту изображать из себя лэрда и объясни толком, правда это или нет, чтобы я ушел и не расстраивал Рори еще больше!

– Она уже и так расстроилась, – заметил Грэм. – Очевидно, по той же причине, из-за которой ты расшумелся в коридоре, выкрикивая мое имя.

Тиг молчал. Мышцы его напряглись, губы сжались.

– Значит, это правда, – наконец выдавил он.

– Да, правда.

Тиг хотел выругаться, но сдержался и выскочил из комнаты. Его тяжелые шаги загрохотали по коридору.

– Да, – выдохнула Рори, – хорошие дела творятся у нас.

Глава 2

Рев Тэвиса Армстронга заполнил всю крепость и вырвался во внутренний двор, где тренировались его люди. Многие выронили мечи, другие, наоборот,

приготовились к обороне, решив, что подступает опасность.

Эвелин не услышала отца, но ощутила, как задрожали каменные плиты пола, и догадалась, что в главном зале что-то произошло. Слишком много шума и беготни. Казалось, по замку с грохотом пронеслось стадо баранов.

Лицо Эвелин оставалось спокойным, но все же она выглянула из-за угла и посмотрела в пролет лестницы, чтобы узнать, что вызвало такое волнение в замке.

Ее отец с перекошенным от ярости лицом крепко сжимал в руке смятое письмо. Рядом, сложив на груди руки, стояли два ее брата, Броуди и Эйден. Даже с этого расстояния Эвелин видела, что их обуревают такой же гнев.

Она перевела взгляд на человека перед лэрдом. Он выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, только не здесь. Очевидно, именно он принес дурные вести в письме, которое держал в руках отец.

Эвелин стала рассматривать незнакомца. Ясно, что это человек короля. На его щите герб короля, а на правой руке рубиновое кольцо, указывающее на его статус королевского посланца.

Эвелин подсадовала, что из-за позы отца не может разглядеть его губ, зато ей было отлично видно лицо посланца. Когда он снова заговорил, Эвелин сосредоточилась, твердо решив выяснить, что же он скажет ее отцу.

– Да исполнится воля короля. Он постановил, что свадьба должна состояться в течение двух недель. За это время вы успеете подготовиться. Свадьба состоится здесь. Король пришлет своего представителя, дабы проследить, что все совершилось должным образом.

Свадьба? Эвелин оживилась. Конечно, отец так рассердился не из-за свадьбы. И кстати, о чьей свадьбе речь? Король пришлет представителя? Все это так важно, так волнует! Она сможет увидеть новых, интересных людей.

В этот миг в зал влетела мать, которая, очевидно, подслушивала. Эвелин заморгала, пораженная ее дерзостью. Отец часто упрекал жену за то, что она

вмешивается не в свое дело. Проку от этих упреков было мало, да и отец не мог по-настоящему долго сердиться на нее, но на сей раз все было иначе. Речь шла о посланце короля, и оскорбить его означало оскорбить короля.

– Тэвис! Ты не можешь этого допустить!

Эвелин едва сумела разобрать слова матери, когда они срывались с ее губ. Ее лицо было залито слезами. Неужели все из-за свадьбы? Эвелин нахмурилась. Какая-то бессмыслица!

Тэвис удержал жену за руку и повернулся так, что Эвелин смогла понять слова. Отец резко бросил ее брату Эйдену:

– Уведи отсюда свою мать.

Робина Армстронг отчаянно замотала головой, стараясь вырваться из рук сына.

– Это безумие! Не позволю бросить ее на съедение волкам! Так нельзя! Она не может исполнять супружеский долг. Это извращение, Тэвис! Ты не должен этого допустить!

У Эвелин мурашки побежали по спине. Она начала догадываться, что привело ее семью в такой ажиотаж. Свадьба? Мать в слезах? Что означают эти слова: «не может исполнять супружеский долг», «бросить на съедение волкам»? Кто они, эти волки?

Посланец короля хмурился. Очевидно, его пугало враждебное окружение, в котором он вдруг оказался.

– Таков приказ короля. Грэм Монтгомери и Эвелин Армстронг поженятся.

Эвелин прикрыла рот рукой, несмотря на то что уже три года не произносила ни слова. Жест был инстинктивным, словно она пыталась сдержать беззвучный крик, рвавшийся из самой глубины души.

Не желая ничего больше видеть, она повернулась, подхватила юбки и бросилась прочь из замка к роще на берегу ручья, питавшего ближнее озеро.

Привычно выбрав огромный валун, нависающий над водой там, где пенный поток ускорял свой бег среди скал, Эвелин опустилась на него. Ей казалось, что в голове возникают смутные воспоминания о шуме и грохоте ручья. Она так давно ничего не слышала, что звуковые образы уже начинали бледнеть и уходить из памяти. Эта потеря ее страшно печалила. Прежде она могла сидеть на своей скале и вспоминать журчание ручья и мир, который оно приносило в ее душу. Но со временем эти фантомные звуки испарились. Теперь Эвелин чувствовала, что все глубже погружается в беззвучную пустоту.

Подтянув колени, она положила на них руки, опустила подбородок и прикрыла глаза, но тут же распахнула – мир без звуков и зрительных образов был невыносим.

Замужество.

Именно помолвка привела ее к теперешнему состоянию, которое длится уже три года. Произошла беда, но она спасла Эвелин от нежелательного брака, на котором настаивал ее отец.

Эвелин охватила паника. Как такое возможно? Разве она сможет покинуть свое убежище, где ее так любят и берегут? Здесь никто не думает о ней дурно – по крайней мере никто не дерзнет сказать о ней что-то плохое. Отец проткнет мечом любого, кто посмеет обидеть его единственную дочь.

Однако Эвелин знала, о чем шепчутся у нее за спиной. Вернее, не за спиной, а прямо в глаза: «Полоумная. Тронутая. Сумасшедшая. Бедная девочка, никому-то она не нужна».

Эти люди ошибались, но Эвелин не пыталась их поправить. Это слишком опасно.

Она была помолвлена с Йеном Макхью. Отец Йена, вождь клана Макхью, очень стремился к этому браку, и отец Эвелин наконец согласился. Он всегда был осторожен с заключением новых союзов, однако Патрик Макхью принадлежал к тем немногим, кому отец доверял; пожалуй, их даже можно было назвать друзьями. Брак между единственной дочерью Тэвиса Армстронга и наследником Макхью казался самой естественной вещью на свете.

Однако Йен вовсе не был таким очаровательным молодым человеком, каким казался окружающим. Внешне он был безупречен. Истинное воплощение джентльмена, он сумел завоевать сердце ее матери и даже получить благословение братьев Эвелин, которые всегда были готовы встать на защиту сестры.

Но под благопристойной внешностью скрывался человек, который наводил на Эвелин безграничный ужас. Он пугал ее рассказами о том, каким, с его точки зрения, будет их брак, и смеялся, когда Эвелин обещала рассказать об этом отцу. Йен заявлял, что никто не поверит ее обвинениям. Эвелин не могла такого представить, пока действительно не обратилась к отцу.

Тэвис был добр к ней, но приписал ее возражения девичьим страхам. Он обещал дочери, что все будет хорошо, а Йен станет ей отличным мужем, и добавил, что считает Йена честным и достойным человеком.

Хуже всего было то, что Йен открыто ухаживал за Эвелин на глазах ее семьи, часто приезжал к ним, всячески демонстрировал привязанность. Он безупречно играл свою роль. Весь клан готов был восхищаться им. И лишь оставаясь с ним наедине, Эвелин имела возможность заглянуть в его душу, полную зла.

Эвелин вздохнула и вновь опустила голову на руки. Ветер раздувал юбки. Тайны. Сколько тайн, сколько лжи!

Она очень любила ездить верхом, но прогулки в одиночестве ей не позволялись – никто никогда не забывал об угрозе, исходящей от Монтгомери. Отец даже думать не хотел о том, что произойдет, если его дочь попадет в руки смертельных врагов его клана.

Однажды утром Эвелин отправилась в конюшню, оседлала лошадь и тронулась в путь. Только это была не обычная прогулка, а побег. Дурацкое, поспешное решение, о котором она не переставала жалеть до сих пор.

Она и сейчас не знала, смогла ли бы его выполнить, но ей не хватило мужества выбраться за пределы земель Армстронгов. В конце концов, как может девушка выжить одна, без защиты семьи?

Этот шаг отчаяния обошелся ей дороже, чем она была в состоянии себе представить. Эвелин направила лошадь по знакомой дороге. Тропа бежала вдоль глубокого ущелья, образованного рекой, которая пробилась в скалах небольшой каньон. Вдруг лошадь споткнулась, Эвелин вылетела из седла и покатила вниз.

Она плохо представляла, что было дальше. Помнила лишь страх и одиночество. Ужасно болела голова, и было холодно. Шло время, и холод становился все невыносимее.

Очнувшись она у себя в комнате. В мире, где не существовало звуков. Эвелин не знала, как рассказать о своем недуге. Горло у нее распухло. Лихорадка не проходила много дней. Когда Эвелин пыталась заговорить, боль в горле становилась острее, а потому она предпочитала молчать и лишь удивлялась царившей вокруг тишине.

Позже она узнала, что две недели стояла на пороге смерти. Знахарка заметила, как распухла у больной шея, и высказала опасение, что лихорадка повредит разум несчастной.

Сначала Эвелин, пожалуй, верила ей. Потом было время, когда она считала, что глухота послана ей в наказание за неповиновение отцу. Эвелин долго не могла привыкнуть к своему состоянию и слишком стыдилась, чтобы рассказать о нем правду родителям. Они смотрели на нее с таким разочарованием, с такой опустошенностью, что, возможно, Эвелин решила бы объяснить им истинное положение дел, но тут в замок явились Макхью и потребовали сообщить им о здоровье Эвелин.

Не получив заверений, что Эвелин полностью исцелилась, Йен тут же разорвал помолвку. Можно ли было его за это винить? Даже отец Эвелин не мог упрекнуть мужчину, который отказывается брать в жены девушку, чьи умственные способности под вопросом.

Эвелин не желала признаваться, что перестала слышать. Она верила, что слух чудесным образом к ней вернется. Однажды она проснется, и все снова будет прекрасно.

Смешная мысль, но Эвелин хранила эту надежду, пока не стало окончательно ясно, что глухота может стать для нее спасением.

Так началась эта ложь, ложь не высказанная, но порожденная умолчанием. Эвелин позволила своим родным и всему клану считать, что несчастный случай подействовал на ее разум, ибо такое положение защищало ее от брака с мужчиной, которого она ненавидела и боялась.

И от этой лжи нельзя было потом отказаться. Пока Йен оставался холостым, опасность не исчезала. Если бы выяснилось, что единственным недостатком Эвелин является глухота, он легко мог потребовать возобновления помолвки.

Обман разрастался и начал жить собственной жизнью. Чем больше проходило времени, тем беспомощнее чувствовала себя Эвелин, неспособная разорвать порочный круг этой лжи. А теперь вот оказалось, что все было впустую. Она обменяла брак с сыном дьявола на супружество с самим дьяволом! И на сей раз не в ее власти что-либо изменить.

Эвелин содрогнулась, прижала лоб к коленям и в отчаянии стала раскачиваться из стороны в сторону.

Грэм Монтгомери! Одно это имя наводило на нее ужас. Уже пять десятилетий между их кланами существовала непримиримая вражда. Эвелин не помнила, с чего началось это кровавое противостояние, но оно действительно было кровавым. Дед Эвелин убил отца Грэма, и Грэм этого никогда не простит.

Монтгомери жили для того, чтобы нападать на Армстронгов, грабить их, проливать их кровь. Отец и братья Эвелин действовали точно так же. Они обнажали меч против любого из Монтгомери лишь потому, что тот существует на свете.

Эвелин все это казалось бессмысленным, но она была женщиной, которую считали нежным маленьким цветком, ей не полагалось разбираться в таких вещах, даже когда она, по общему мнению, пребывала еще в здравом уме.

Она с силой потерла лоб. Подступала знакомая мигрень, которая всегда начиналась с затылка, потом поднималась к ушам, давила все сильнее, так что хотелось кричать. Но крикнуть она не могла, не могла издать ни звука. Эвелин

не могла знать, насколько тихо или громко она говорит, но не хотела, чтобы кто-нибудь догадался о ее глухоте, а потому обрекла себя на пребывание в полном молчании.

Вдруг Эвелин ощутила чье-то приближение. Потеря слуха обострила другие ее чувства. К собственному удивлению, она обнаружила, что осязание у нее настолько развилось, что она стала замечать малейшие колебания воздуха.

Эвелин обернулась. К ней с мрачным видом приближался Броуди. Однако лицо его прояснилось, как только он заметил сидящую на скале сестру.

Если она действительно выйдет замуж за вождя клана Монтгомери, то больше всего будет скучать по Броуди. Эвелин так хотелось кричать, что спазм стиснул ей горло.

Броуди что-то говорил, но Эвелин не понимала, потому что ветка заслонила его губы. Броуди выразительно вздохнул и присел рядом с сестрой, как делал множество раз. Он всегда знал, где ее найти, знал все потайные места, где она пряталась. От него Эвелин нигде не могла скрыться.

Он ласково стиснул огромной рукой ее тонкие пальцы и что-то сказал. Эвелин подалась вперед, чтобы разобрать слова.

– Тебя зовут в дом, цыпленок.

Эвелин нравилось, когда он так ее называл. Ласковое прозвище почти всегда произносилось с улыбкой, но на сей раз Броуди не улыбался. В его глазах отражалось отчаяние, а лоб был сурово нахмурен.

Не желая огорчать брата еще больше, она подала ему вторую руку и подождала, пока он поможет ей подняться на ноги. Лучше сделать вид, что ей ничего не известно. Может, стоит вообще изобразить из себя дурочку? Если королю станет известно, насколько она не годится для брака, он, конечно, не будет настаивать на подобном союзе.

Эта мысль подняла дух Эвелин, и она спокойно зашагала рядом с братом к замку. Отец всегда говорил, что король – достойный и справедливый правитель,

что он принес мир в горы Шотландии, подписав договор с Англией.

Если на свадьбе будет присутствовать его представитель, то, увидев невесту, и он будет вынужден отложить свадьбу и сообщить королю о непригодности Эвелин к назначенной ей роли.

Глава 3

Пока Броуди вел ее к главному залу, Эвелин пыталась взять себя в руки. Это было непросто. Сердце отчаянно колотилось в груди.

Отец метался перед громадным камином. Второй брат Эвелин, Эйден, сидел у большого деревянного стола. Его глаза сверкали гневом. Нога резко отстукивала ритм.

Эвелин вглядывалась в лица родителей, отчаянно желая понять, о чем они говорят. Ей пришлось отстраниться от Броуди и передвинуться так, чтобы лучше их видеть.

– Тэвис, ты не должен этого допустить!

Отец крепко схватил мать за плечи и с мукой в глазах заглянул ей в лицо:

– Робина, это приказ короля. Я не могу его послушаться.

Робина отстранилась и посмотрела на дочь. Глаза матери покраснели и распухли от слез. Казалось, горе волнами распространяется от нее по всему залу. Увидев Эвелин, она помрачнела еще больше.

Обняв дочь за плечи, мать прижала ее к себе и подтолкнула к отцу. Эвелин чувствовала, как тело матери сотрясается от дрожи, но изо всех сил пыталась сохранить на лице безмятежное выражение.

Тэвис поднял дрогнувшую руку и погладил Эвелин по щеке. Не в состоянии выдержать его горестный взгляд, она спрятала лицо в его ладони и потерлась о нее.

– Дитя мое, мой самый драгоценный дар. Наш король выступил против нас.

Он уронил руку и отвернулся. Эвелин нахмурилась – боялась пропустить его слова.

– Ты должен уговорить его, – сказала Робина и, коснувшись его локтя, попыталась повернуть к себе лицом. – Возможно, ему неизвестно о состоянии Эвелин.

Тэвис обернулся. Его лицо было страшным от гнева. «Настоящая гроза», – подумала Эвелин.

– Неизвестно? Да он был здесь через несколько месяцев после несчастья с Эвелин! Видел, что она изменилась. И даже выразил мне сочувствие из-за того, что она никогда не сможет составить выгодную партию и родить детей. А теперь он посылает ее нашим злейшим врагам как жертвенную овцу, чтобы вынудить нас примириться.

У Эвелин кровь отхлынула от лица. Лишь бы мать не заметила, как она вздрогнула при этих словах отца.

– Посмотри на нее, Робина. Она ведь даже не понимает... – Тэвис сделал жест в сторону дочери.

– Не смей порочить ее! – с яростью прокричала Робина. По ее лицу Эвелин поняла, с каким гневом она произнесла эти слова. – Она чудесная девушка. И она не дурочка. Прекрасно шьет. И самое главное она понимает. Всегда помогает людям нашего клана, для каждого находит улыбку. Этот монстр погубит ее.

– Я вовсе не унижаю ее! – рявкнул Тэвис.

Эвелин поняла, что он кричит, только по вибрации воздуха, но в ее жизни были и другие звуки – очень немногие, – их она могла слышать на самом деле. Те звуки

всегда были глубокими, ничего высокого или резкого, ничего обычного, монотонного. Но все же иногда Эвелин кое-что слышала.

– Робина, я люблю ее не меньше, чем ты. Неужели ты думаешь, что я по доброй воле хочу отдать свою дочь в жены нашему кровному врагу?

Мать шагнула назад и прижала кулак к губам. Отец наступал на нее с багровым от гнева лицом.

– У меня нет выбора! Понимаешь, нет выбора! Ослушаться короля – значит подписать всем нам смертный приговор. Нас объявят вне закона, и все жадные до денег мерзавцы начнут охоту за нашими головами.

– Да защитит нас Господь, – пробормотала Робина. Ее лицо сморщилось, а в глазах отразилась такая тоска, что Эвелин было страшно на нее смотреть.

Оба брата Эвелин молчали. Возможно, не имели своего мнения, но скорее не желали вмешиваться в спор родителей, пока чувства были так накалены.

Эвелин не могла допустить, чтобы родители так себя мучили. Если ей предназначено стать искупительной жертвой ради того, чтобы прекратилась вражда двух кланов, значит, такова ее судьба и тут уж ничего не поделаешь. Нельзя допустить, чтобы ее близкие испытывали подобную боль.

Она шагнула вперед и продела руку под руку отца. Он удивленно взглянул на нее, заметил серьезное выражение на ее лице и сделал над собой усилие, чтобы сдержать бушующие эмоции.

Эвелин приподнялась на носках, поцеловал отца в щеку и погладила по плечу, словно желая успокоить.

Лицо Тэвиса смягчилось, но боль в глазах стала острее. Он как будто постарел в одночасье – кожа сделалась серой, плечи поникли. Эвелин никогда не видела своего воинственного отца в таком состоянии.

Тэвис притянул дочь за шею и поцеловал в лоб. Она чувствовала, как он что-то сказал, но не хотела отстраняться, чтобы прочесть по губам, потом все-таки

повернула голову так, чтобы разобрать его слова:

– Милая девочка... Ты всегда была такой. Эвелин, ты мое сердце. Будь проклят король за то, что вырвал его у меня.

Эвелин обернулась к матери, чтобы, как и отца, поцеловать в щеку, но Робина порывисто обняла ее и с жаром притиснула к себе.

Мать была не в себе, и девушка не представляла, как ее успокоить. Да и что она может сделать, если сама потрясена? Прежде Эвелин и не думала, что ей все равно придется выйти замуж и выполнять все, что требуется от обычной, нормальной женщины. Она спряталась за свою глухоту как за щит. Все ложь и обман.

Ужасно! Чувство вины тяжким бременем давило на ее плечи, хотелось закрыть глаза, чтобы ничего больше не прочесть по губам близких.

Пол задрожал под ногами Эвелин, и она обернулась к двери раньше остальных.

– Вам послание, лэрд, – входя в зал, произнес Нейл.

Напряженное выражение лица и порывистость движений просто кричали, насколько важное известие он принес. В руках Нейл держал свиток, но Эвелин не могла разглядеть печать, чтобы понять, от кого он. Неужели это новое послание от короля?

– Оно от лэрда Монтгомери. – При этих словах губы Нейла презрительно изогнулись. – Я не позволил гонцу войти и решил передать его сам.

Эйден поднялся и, хмыкнув, встал рядом с отцом. Броуди приблизился к матери и Эвелин, как будто хотел защитить их от того, что может нести в себе послание.

Тэвис взломал печать, развернул свиток и быстро пробежал его глазами. По мере чтения лицо его становилось еще мрачнее. Наконец лэрд поднял голову и, сверкнув взглядом, сообщил:

– Грэм Монтгомери пишет, что, согласно приказу короля, явится за своей невестой.

Братья отреагировали по-разному, но одинаково бурно. Броуди рванулся вперед, но Эвелин успела прочесть по губам его слова:

– Это фарс! Король не может всерьез говорить об этом. Он не дьявол и не пошлет ягненка в логово львов!

– Монтгомери? В наших владениях? – выкрикнул Эйден. Он явно был поражен. – Это неслыханно! Раньше земля утонет в крови!

Эвелин переводила взгляд с одного на другого так быстро, что у нее заболела шея, но все равно многое упустила. Все говорили одновременно. Она улавливала лишь обрывки фраз, в основном проклятия, восклицания и предположения о том, почему король отдал столь невероятный приказ.

Эвелин никогда не видела Грэма Монтгомери, она вообще не встречала ни одного из Монтгомери. Невольно ей представлялся стареющий мужчина с брюшком, крупным носом и страшным лицом. Она никогда не прислушивалась к разговорам о клане Монтгомери, потому что это ее не интересовало. Эвелин просто знала, что они кровные враги ее клана и что отец скорее умрет, чем позволит одному из Монтгомери ступить на его землю. Знала, что отец и братья – воины, не имеющие себе равных в силе и ловкости. Конечно, с ее стороны было самонадеянно верить в это, но ничто в повседневной жизни не вынудило бы ее изменить мнение о своей родне. А потому Эвелин всегда чувствовала себя в безопасности от любого внешнего вторжения. Армстронги бдительно охраняли свои границы, и никто не мог ступить на их земли без разрешения.

Когда-то, давным-давно, такое вторжение все же случилось. Монтгомери совершили набег, и многие из Армстронгов были убиты, включая бабушку Эвелин. Ее дед, который был тогда лэрдом, очень горевал о жене и погиб, пытаясь отомстить за нее. Он убил лэрда Монтгомери, но и сам был сражен в этом бою другим воином враждебного клана.

Столько смертей, а Эвелин даже не знает, с чего все началось. За прошедшие годы ей только изредка доводилось слышать обрывки разговоров на эту тему. Надо было лучше слушать, пока у нее был слух, но Монтгомери всегда были для

нее чудовищными порождениями тьмы, почти фантастическими созданиями, о которых барды слагают свои баллады. На ее памяти Монтгомери ни разу не нападали.

И вот теперь они заберут ее к себе. Лишат защиты родного клана и любимой семьи. Выдадут замуж. Ей предназначено стать женой человека, который всю жизнь был для нее только мифом.

Эвелин задрожала, но тут же взяла себя в руки. Нельзя огорчать мать еще больше, выказывая собственный страх.

Она повернулась и, не оглядываясь, вышла из зала. Даже не стала выяснять, не следует ли ей остаться. Она часто так делала – совершала внезапные поступки как будто по внезапной прихоти или по наитию. Когда-то это казалось странным, но теперь в семье привыкли к ее поведению и больше не удивлялись.

Сейчас ей было необходимо разобраться в себе, оценить столь внезапную перемену в своей жизни. Сумеет ли она жить с людьми из чужого клана? В собственном клане ее любили, пусть некоторые и сторонились ее из-за недуга. Были даже такие, кто, увидев Эвелин, начинал бормотать молитвы. Может, боялись, что глухота заразна и легко может перейти на других?

Эвелин хотелось из озорства коснуться таких людей и посмотреть, что с ними будет: отпрыгнут ли они, как от огня, или с воплями бросятся к пастору? Но позже она всегда ощущала раскаяние – ведь это были люди ее клана, они не виноваты, что она другая. Как они могли разобраться, если Эвелин не сделала ничего, чтобы изменить их мнение? К тому же большинство из них относились к ней с искренней добротой и были готовы на многое, лишь бы она была счастлива.

И она действительно жила здесь счастливо. Эвелин далеко не сразу разобралась с произошедшим – с несчастным случаем и последовавшей за ним болезнью, – не понимала, почему лишилась слуха, но ей с детства внушали, что нельзя сомневаться в Божьей воле.

В здешней жизни у нее было собственное место. Эвелин научилась понимать по губам большую часть того, что говорилось, и очень хотела набраться храбрости и произнести что-нибудь, но, не зная, как будет звучать ее голос и сможет ли

она вообще издать хоть один звук после столь продолжительной немоты, продолжала хранить молчание и жить в мире безмолвия, заполненном лишь слабым эхом воспоминаний о звуках.

И вот теперь ей больше не будет места в своем клане, среди близких, которые ее так любят. Вместо этого ее отошлют в стан врага.

Дрожь пробежала по телу Эвелин. Как они к ней отнесутся? Будут ли жестоки? Возможно, ее станут ненавидеть только потому, что она Армстронг. Или презирать из-за болезни... Дразнить и называть сумасшедшей... А может, пойдут еще дальше и станут ее обижать, опасаясь, что в нее вселился злой дух?

Сцепив руки перед собой, Эвелин бросилась прочь из замка к своей любимой скале. Ну и пусть Броуди догадается, где она, – все равно это единственное место, куда она может пойти в поисках тишины и успокоения.

Глядя на бурлящий поток, Эвелин вдруг осознала, что у нее больше не будет этого убежища. Она не сможет приходить и уходить по собственному капризу, не сможет часами сидеть на скале, впитывая в себя окружающее спокойствие.

Нет, ей суждено выйти замуж за Монтгомери и превратиться в то, что ее с детства учили ненавидеть. К тому же отец всегда позволял Эвелин делать, что ей вздумается, а вот муж может оказаться не таким покладистым.

Глава 4

Уже неделю в замке царила непрерывная суeta. На восьмой день после королевского приказа граф Данбар, представитель Александра II, явился в крепость, чтобы засвидетельствовать брак, которому предназначено восстановить мир между двумя воюющими кланами.

Тэвис приветствовал графа во дворе и, когда увели лошадь Данбара, прошел с ним в главный зал, где на высоком помосте в торце помещения был накрыт стол с напитками и угощением.

– Александр выражает сожаление, что не имеет возможности присутствовать на свадьбе, – произнес граф, отхлебнув из кубка, украшенного драгоценными камнями.

Огонек в глазах собеседника дал понять Тэвису, что у короля вообще не было намерения посетить свадьбу, к которой он принудил враждующих лэрдов. В отсутствие Александра Тэвису не к кому было обратиться с прошением об отмене его приказания.

Данбар пользовался значительной благосклонностью короля и фактически был самым близким ему человеком из высокородных персон в королевском окружении. Данбар и Александр были давними союзниками и друзьями, и тот факт, что король прислал на свадьбу самого могущественного из своих графов, продемонстрировал Тэвису, какое большое значение придает монарх этому событию.

– Он не понимает, что делает, – пробурчал Тэвис.

Данбар приподнял бровь, сделал большой глоток эля и, откинувшись в кресле, посмотрел на Тэвиса подчеркнуто лениво и дерзко, как будто желая смутить хозяина. Но Тэвис не стал бы владыкой одной из самых мощных крепостей Шотландии, если бы уклонялся от вызовов. Его ответный взгляд был тверд и решителен.

Граф вздохнул и со стуком поставил кубок.

– Если вас это утешит, Тэвис, то знайте: я заявил королю, что он рехнулся. Я отлично понимаю, что произошло с вашей дочерью, и сочувствую вам обоим. Она непригодна для брака, но, к несчастью, у вас только одна дочь, а Александр вбил себе в голову, что единственный путь примирить два его самых могущественных клана – поженить ваших отпрысков. Он полагает, что если ваша дочь выйдет замуж за лэрда Монтгомери, то вы больше никогда не поднимете против них меч.

– А какие гарантии, что они сами не выступят против моего клана? – повысил голос Тэвис. – Разумеется, я не обнажу меч против человека, который держит в своих руках жизнь моей дочери. Но что будет в моих руках, чтобы сдержать его самого?

Граф задумчиво потер подбородок.

– Хороший вопрос. Интересно, думал ли о нем Александр? Возможно, он полагает, что брак – достаточное основание для союза, пусть даже и не очень надежного. Ему нужен мир. Сейчас, когда мы подписали соглашение с Англией, настало время заняться внутренними проблемами с мятежными танами. Ему нужны союзники, а Монтгомери и Армстронги всегда были верны королю, даже несмотря на вражду между собой.

– Я подпишу договор с Монтгомери, – с мрачным видом произнес Тэвис. Он в жизни не говорил ничего более неприятного. Нелегко переступить через собственную гордость, но ради дочери он был готов на все, даже на унижение перед лицом врагов. – Они хотят этого брака не больше, чем мы. Вы уже сказали, что Эвелин никому не годится в жены. Именно по этой причине расстроилась помолвка с Йеном Макхью. Грэм Монтгомери... погубит ее. Я не смогу этого вынести.

Граф покачал головой.

– Я не собираюсь торговаться с вами, Тэвис. Сейчас поздно говорить о договорах и мире. Война между вашими кланами длится слишком долго. Александр непременно хочет принести горцам мир, а кровная вражда между вами создает угрозу стабильности, которая нужна королю. Я могу не соглашаться с его методами, тем не менее полностью поддерживаю его курс. Он прислал меня засвидетельствовать заключение брака и по возвращении отчитаться. Я обязан передать его приказ и благословение, а кроме того, у меня есть послание с королевской печатью и официальное провозглашение союза.

– Она обречена, – прошептал Тэвис.

– Я убежден, что Грэм Монтгомери благородный и справедливый человек, – осторожно проговорил граф. – Не думаю, что ради мести он будет жесток к вашей дочери.

Никогда в жизни Тэвис не чувствовал себя таким беспомощным. Подняв взгляд, он увидел в дальнем конце зала жену. Казалось, ее отчаяние заполняет все помещение словно живая субстанция, но все же никак не проявляется внешне. В

честь визита королевского посланца Робина надела свое лучшее платье, и лишь острый взгляд Тэвиса мог различить знаки волнения под непроницаемой маской гостеприимной хозяйки.

Робина приблизилась. Мужчины поднялись с кресел.

– Миледи, – произнес граф и галантно поднес ее руку к губам. – Столько лет прошло с нашей последней встречи, но, клянусь, вы стали еще красивее!

Робина любезно улыбнулась, но улыбка не дошла до ее глаз.

– Вы слишком добры, милорд. Для нас большая честь видеть вас на свадьбе нашей дочери. Я искренне надеюсь, что церемония произведет на вас самое благоприятное впечатление. Если вам что-нибудь потребуется, прошу вас, сообщите мне, и все будет тотчас исполнено.

Лишь когда жена умолкла, Тэвис заметил, что во время этой краткой речи затаил дыхание. В груди саднило. Он не был уверен, что Робина не всадит кинжал в сердце графа, если решит, что это спасет ее дочь. Робина была женщиной с открытым сердцем, волевой и сильной духом. Тэвис любил ее всей душой. Родись она мужчиной, Робина стала бы самым доблестным воином Шотландии. Многие мужчины не смогли бы смириться с ее прямоотой и готовностью померяться с ними силой. Захотели бы подчинить ее, растоптать в ней то, что делало ее столь неповторимой. Робина не отличалась кротостью, и Тэвис каждый день благодарил за это Бога и никогда не жаловался. Она принадлежала ему, Тэвис любил ее такой, какая она есть.

Однако сейчас он ощутил беспокойство. Робина вела себя уж слишком любезно и покладисто. Ее улыбка нервировала Тэвиса. Может, она задумала отравить питье графа? Или, провожая в отведенные гостю покои, вонзить ему кинжал меж ребер? Возможно, и то и другое. Когда речь шла о детях, Робина была беспощадна.

– Я покажу графу его покои, – заявил Тэвис, прежде чем это успела предложить жена. – Прикажи отнести туда еду и напитки, чтобы наш гость смог отдохнуть с дороги.

Не успели они подойти к лестнице, как в главный зал влетел дозорный с башни, однако, завидев графа, застыл на месте, но быстро взял себя в руки и почтительно поклонился.

– Лэрд, прибыл посланец от Монтгомери. Он сообщил, что тан и его свита к ночи будут здесь.

Робина плотнее сжала губы, но, к ее чести, сохранила спокойствие и только стиснула кулаки.

Граф приподнял бровь и, словно забавляясь, обратился к Тэвису:

– Можно подумать, что Грэму Монтгомери не терпится заполучить свою невесту.

Желваки заиграли на скулах Тэвиса. Мысль о том, что дочь окажется в руках Монтгомери, вызвала у него отвращение. Супруги обменялись горестными взглядами. Стало абсолютно ясно, что им не спасти дочь, разве что объявить войну и восстать против короля, но это приведет к уничтожению клана Армстронгов.

Любимая дочь или жизнь всех до единого родственников, которые полагаются на их защиту?

Человек не должен стоять перед подобным выбором.

Глава 5

Эвелин сидела на вершине холма напротив замка, наблюдала, как внушительная кавалькада воинов Монтгомери приближается к подъемному мосту, и невольно задавалась вопросом: позволит ли отец всем этим воинам проникнуть в замок или оставит большую часть вне стен?

А может, Грэм Монтгомери не согласится подвергнуть себя опасности, оказавшись в стане врага без надежного сопровождения?

Эвелин вглядывалась в авангард колонны, пытаясь отыскать человека, который станет ее мужем. Все выглядели крупными, массивными, в руках щиты, многие с обнаженными мечами. В доспехах их было не различить.

Кавалькада не выглядела свадебной процессией, скорее эти всадники напоминали посланцев войны.

Эвелин содрогнулась, обхватила себя за плечи и вся сжалась, надеясь, что ее не заметят. Мать станет ее искать. Братья – тоже. Она намеренно не пошла на свое обычное место, потому что Броуди непременно отправили бы за ней. Это место она выбрала потому, что отсюда открывался отличный вид на... ее будущее.

От группы всадников отделились трое и поскакали вперед. Один из них наклонил голову и как будто что-то крикнул стражникам. Эвелин хотела бы знать, что именно. Наверное, крик был громким. Такой крупный мужчина не станет шептать. Должно быть, все, кто слышал его, до смерти перепугались. Несколько лошадей за его спиной шарахнулись в сторону, но всадники их усмирили.

Эвелин опустила подбородок на колени и стала смотреть, как подъемный мост медленно опускается.

Жених. Он явился, чтобы разлучить ее со всем, что она знала и любила. Только здесь она чувствовала себя в безопасности. Здесь все любили ее и баловали.

Но разве прежде она не мечтала о новой жизни, о приключениях? О том, чтобы увидеть другие места, увидеть мир за стенами замка? Ведь она никогда не бывала за границей владений Армстронгов.

Когда-то она охотно согласилась на помолвку с Йеном Макхью. Вспыхивала от волнения и радости, мечтала о муже, детях, собственном замке, где она станет хозяйкой. Планировала будущее, визиты в крепость родителей. Надеялась, что они навестят ее во владениях мужа, когда родится их первый ребенок. Сколько радости и счастья их ждет!

Но все фантазии испарились, как только Йен заговорил о своих намерениях относительно Эвелин. Мечты сменились кошмарами, от которых она никогда не надеялась избавиться.

Эвелин не хотела скрываться здесь, словно бы прячась за спины отца, матери и братьев. Не хотела, чтобы люди считали ее совсем пустым местом. Но больше всего она не хотела расставаться со своей прежней мечтой о будущем. И что теперь? Она столько сделала, чтобы навсегда остаться под защитой семьи в доме отца, но вот пришел день, когда ее вынудят покинуть свое убежище и шагнуть в новую жизнь.

Конечно, в своем воображении Эвелин иначе представляла расширение жизненных горизонтов, но сейчас у нее не было выбора. Может быть, стоит извлечь хоть немного пользы из безвыходного положения?

Мать была в отчаянии. Отец так озабочен и мрачен, что никто не решался обращаться к нему без крайней необходимости. Даже братья с трудом держали себя в руках. Казалось, на замок опустилась черная туча. С той минуты, когда гонец сообщил, что Монтгомери придут к ночи, в замке поднялась невообразимая суeta.

Эвелин выскользнула незаметно, но сейчас ее, должно быть, уже ищут. Возможно, для того чтобы спрятать. А может, представить мужчине, который станет ее мужем.

Эвелин достаточно прочитала по губам, чтобы понять: в присутствии графа любой акт неповиновения королевскому приказу будет расценен как объявление войны королю.

Закончив рассматривать всадников клана Монтгомери, Эвелин опустилась спиной на землю, на мгновение прикрыла глаза и подставила лицо теплым лучам солнца. Потом снова открыла их и устремила взгляд в небесную синеву с мягкими белыми облачками.

Здесь она могла ненадолго укрыться от неизбежного. Здесь ее окружает покой и полная тишина, но в самых глубинах памяти всплывают воспоминания о звуках музыки. Глядя на это безбрежное синее полотно, Эвелин могла бы поклясться, что в ушах у нее звучит музыка.

– Посмотри на холм! Вон там, справа! – резко окликнул Грэма Тиг.

Грэм повернул голову в указанном направлении. Подъемный мост опускался медленно и со скрипом.

Грэм едва не упустил легкую фигурку, снова поймал ее взглядом и с удивлением обернулся к Тигу: что брат хотел ему показать?

– Там человек? – настороженно спросил Тиг. – Что он делает один на холме?

– Боишься, что она спустится и выкинет тебя из седла? – хохотнул Боуэн.

– Она? – недоверчиво спросил Тиг.

– Это девчонка, – подтвердил Боуэн и кивнул в сторону желтоватого пятнышка на холме.

Грэм снова обернулся:

– Как ты можешь разглядеть это на таком расстоянии?

Боуэн окинул братьев насмешливым взглядом и с иронией покачал головой.

– Думаете, мужчина будет скакать по траве в желтом платье?

Тиг соорудил презрительную мину.

– Ну, это же Армстронги. Так что, думаю, все возможно.

Воины вокруг них расхохотались.

Подъемный мост наконец с грохотом ударился о землю. Всадников окутало облако пыли. Когда Грэм снова взглянул на холм, девушка уже скрылась. Как она сумела так быстро исчезнуть?

Он послал лошадь вперед, готовый к неминуемому противостоянию. Грэм предпочел бы сразиться с втрое превосходящим его противником, чем покорно

лезть в самое логово Армстронгов, чтобы связать себя с ними узами родства.

Мысль об этом была ему отвратительна. Его отец перевернется в гробу. Для всех Монтгомери это будет черный день, память о котором надолго сохранится в истории клана. Если бы Грэм мог, то приказал бы уничтожить всякое упоминание о нем в письменных источниках и устных сказаниях. Но с женой так не поступишь. Даже если искушение очень велико.

Грэм въехал в ворота замка. Во внутреннем дворе его ждал Тэвис Армстронг в компании графа Данбара. Грэма не удивило присутствие королевского посла, хотя он ждал, что Александр сам явится на церемонию, раз уж она так важна для него.

Грэм приблизился и, оставаясь в седле, в упор посмотрел на вождя Армстронгов. Тэвис ответил ему таким же мрачным взглядом. Рядом с ним вдруг появились оба его сына. Правда, Грэм не знал, кто из них кто. В последний раз, когда ему попались юные Армстронги, он прогнал их после короткой потасовки на ничейной земле – узкой полосе между границами Монтгомери и Армстронгов. Эта земля принадлежала Макалпинам, но те давно уже забросили ее из-за близости владений враждующих кланов. Участок совсем небольшой, просто клочок пустоши, так что потеря была невелика, и Макалпины предпочли держаться подальше от междоусобицы.

Тэвис сжал кулаки, отчего Грэм испытал удовлетворение – небольшая, но победа. Пусть его, как послушного барана, заставили явиться во владения Армстронгов, но, черт подери, он не позволит ни одному из них запугать его.

Тэвис шагнул вперед, откашлялся и хрипло произнес:

– Добро пожаловать, лэрд Монтгомери. Приглашаем тебя и твоих братьев в дом. Ваши люди будут обеспечены всем необходимым. Для них установили палатки вдоль внешних стен. Еды и питья хватит на всех.

Несколько секунд Грэм хранил молчание, потом взглянул на братьев, подал сигнал спешиться и сам соскочил с коня.

Тэвис знаком приказал своим людям отвести лошадей в конюшни.

И вот враги, оцетилившись от неприязни, оказались лицом к лицу – воины Монтгомери и Армстронгов. Армстронги выглядели так, будто допустили в свое святилище самого дьявола. А может, так оно и было.

В истории обоих кланов такое свершилось впервые. Никогда не стояли они так близко друг к другу, не обнажая мечей и не проливая крови врага. Рука Грэма онемела от желания выхватить меч, спазм стиснул горло – так ему хотелось издать боевой клич.

– Мне это не по душе, – спокойно, но со стальной ноткой в голосе произнес Тэвис. – Видит Бог, все во мне восстает против этого безумия.

Грэм кивнул, давая понять, что понимает чувства старого лэрда, и, заговорив, высказался с такой же прямоотой:

– Я не больше твоего стремлюсь к этому.

– Ты ничем не жертвуешь, – рявкнул Тэвис. – Ты-то чем недоволен? Забираешь мою дочь и ничего не даешь взамен!

Грэм приподнял бровь, изо всех сил стараясь сдержать поднимающуюся в груди волну гнева и не броситься на Тэвиса. Перед глазами возникло лицо отца, а Грэм стоял и невидящим взглядом смотрел на человека, отец которого виноват в его смерти.

– Думаешь, я ничего не теряю? Мне навязывают убогую жену, которая никогда не родит наследника. Я многое теряю. Теряю все!

– Она не убогая! – проревел один из сыновей Армстронга и шагнул вперед.

В тот же миг Тиг и Боуэн выхватили мечи и встали перед Грэмом, заслоняя его своими телами. Их мышцы дрожали от напряжения, и Грэм видел, каких усилий им стоит сдержаться и не зарубить Армстронгов на месте.

Положение было крайне опасным. Обе стороны жадно искали предлог, чтобы пролить кровь врага.

– Прекратить! – прорычал граф Данбар. – Король будет весьма недоволен. Ему нужен мир, и мир он получит. После заключения брака оба клана принесут друг другу клятву, подписав договор кровью. Любое его нарушение будет расцениваться как преступление против короны. Земли клятвопреступников конфискуют, их самих объявят вне закона и станут преследовать соответствующим образом.

– Броуди, уймись! – одернул Тэвис взревевшего от ненависти сына. – Эйден, спрячь меч.

Броуди бросил на Грэма такой разъяренный взгляд, что казалось, он хочет поразить пришельца на месте. Грэм ответил ему неспешной ухмылкой, словно говоря: «Только попробуй!»

– Она стоит десяти таких, как ты, – отступая на шаг, пробурчал Броуди.

Они с Тигом медленно спрятали оружие в ножны, но не убрали рук с эфесов.

Тэвис поднял руку. Лицо его вдруг показалось усталым, на лбу проявились морщины – признаки возраста. Казалось, этому человеку приходится вести войну с самим дьяволом, но Грэм не ощутил к нему никакого сочувствия, ведь отец Тэвиса убил его собственного отца, а клан потерял так много людей из-за действий Армстронгов.

– Проходите в замок, – сказал он таким тоном, что было ясно, сколько усилий потребовалось для этого приглашения. – Миледи, моя жена, предложит вам напитки и угощение, чтобы вы подкрепились с дороги.

– К тому же мне не терпится увидеть мою будущую супругу, – с иронией в голосе ответил Грэм.

Броуди сжал зубы, но Тэвис утихомирил его мрачным взглядом и жестом пригласил Грэма и его братьев в замок. Все прошли в главный зал. Граф встал между двумя враждебными группами.

Отложив в сторону шитье, с кресла возле камина поднялась хрупкая женщина. Было ясно, что это жена Тэвиса, хотя по ее внешности никто не сказал бы, что

это дама солидного возраста.

Хозяйка явно пыталась скрыть страх, тем не менее он явственно читался на ее лице. Грэм почувствовал возмущение – ему в жизни не приходилось поднимать руку на женщину. Пусть это жена его врага, ей все равно подобает уважение, присущее ее положению.

– Миледи, – произнес он и отвесил низкий поклон. Потом протянул руку к ее руке и поднес к губам.

Дама позволила гостю почтительно поцеловать ее.

– Вы Грэм Монтгомери, – напряженным голосом сказала она.

– Да, Грэм Монтгомери, – торжественным тоном подтвердил он, – а вы леди Армстронг.

– Робина, – поправила гостя дама. – В конце концов, мы станем... одной семьей, – запнувшись, сказала она, и черты ее исказились от боли.

Сказать по чести, при этих словах Грэм испытал не меньшую боль. Одной семьей? Никогда!

– Ну хорошо. Значит, Робина. – И он обернулся к братьям: – Это мои братья, Боуэн и Тиг.

– Но ведь у вас есть еще и сестра, правда? – спросила Робина.

Лицо Грэма окаменело.

– Я никогда не привез бы ее сюда. Она дома и под надежной охраной. Она еще слишком молода, и я бы ни за что не поставил ее в... опасное положение.

– А вот я вынуждена отослать свое дитя в самое логово наших врагов, – едва слышно прошептала Робина.

– Миледи, я не воюю с женщинами. Ваша дочь не погибнет ни от моей руки, ни от руки кого-либо из моих близких. Как жене лэрда ей будет оказываться все надлежащее уважение.

По всей видимости, эти слова не смягчили Робину – она едва сдерживала слезы.

Грэм повернулся и оглядел почти пустой зал. Казалось, все Армстронги в предвкушении приезда Монтгомери предпочли убраться с глаз долой. В зале присутствовали сам Грэм с братьями, граф Данбар, Тэвис, его жена и сыновья.

Грэм сосредоточил внимание на Тэвисе. Ему не хотелось расстраивать хозяйку еще больше. В конце концов, она не виновата в грехах мужа и его родственников.

– Я бы желал увидеть девушку, которая должна стать моей женой. Перед венчанием нам следует познакомиться.

– Лэрд Монтгомери, – вмешалась Робина, снова привлекая его внимание к себе. На ее лице возникло умоляющее выражение. – Прошу позволить мне откровенно рассказать о моей дочери, прежде чем вы ее увидите.

– Говорите, миледи. Вы не можете меня обидеть, если намеренно этого не захотите.

– Вам никто о ней не рассказывал?

– Он назвал ее ненормальной! – прорычал Броуди с противоположного угла зала.

Робина побледнела, но Грэм не понял – от гнева или от огорчения.

– Я слышал, что она... нездорова. – Грэм постарался выразиться как можно мягче.

– Говори прямо! – рявкнул Тиг. – Всем известно, что девица полоумная и не сможет выносить наследника. Эта свадьба – безумие. Она не решит никаких проблем.

В этот миг Грэму показалось, что если бы Робина была вооружена, то убила бы его младшего брата. Он не раздумывая шагнул, чтобы заслонить Тига и избежать столкновения.

Броуди что-то выкрикнул. Тэвис повернулся к Тигу. По залу разнеслись гневные вопли и оскорбления. Только присутствие графа предотвратило кровопролитие.

– Достаточно! Очистите зал! – приказал он сыновьям Армстронга и братьям Грэма. – Вон отсюда! Дайте все обсудить с глазу на глаз.

– Я не оставлю брата в этом змеином гнезде, чтобы его здесь убили! – крикнул Боуэн.

Грэм поднял правую руку.

– Я здесь под надежной защитой, Боуэн. Выйди. Сходи к нашим людям. Проверь, чтобы все было как должно. Чем скорее мы с этим покончим, тем быстрее вернемся на свои земли.

Его братья и сыновья Армстронгов с недовольным ворчанием покинули зал.

Грэм обернулся к Робине:

– А теперь, миледи, говорите. Я начинаю терять терпение.

Тэвис приблизился к жене и встал рядом, как будто провоцируя Грэма выразить ей неуважение взглядом или словом.

– Эвелин... она другая. Видит Бог, она не дурочка. Я сама до конца не понимаю, что на нее подействовало. В юности, три года назад, она упала с лошади в ущелье. Прошло три дня, прежде чем мы ее нашли.

Грэм нахмурился.

– Значит, вы утверждаете, что она не родилась такой? Что ее недуги, какими бы они ни были, случились из-за того падения?

– Именно так. Она не родилась такой. На свете не было ребенка милее Эвелин. Умненькая, сообразительная, жизнерадостная и веселая. Она для любого стала бы завидной женой. Но после того падения она долго болела и так и не стала прежней. Она не разговаривает. Не сказала ни слова с тех пор, как очнулась после двухнедельного беспмятства.

– Это все? Значит, она не разговаривает? – Некоторые мужья обрадовались бы подобному подарку.

Робина покачала головой.

– Я пытаюсь объяснить, что она не сможет стать тебе настоящей женой. Ты не можешь обращаться с ней как с обычной женщиной. Пожалуйста, если в твоём сердце есть хотя бы тень жалости, будь к ней добр и оставь ее в покое. Нельзя наказывать девушку за грехи родственников.

Грэм ощутил, как в сердце разгорается гнев, как закипает кровь. Его лицо напряглось.

– Я не воюю против женщин и невиновных, – процедил он. – И я не желаю повторять этого снова.

– Монтгомери, клянусь тебе всем, что свято: если с моей дочерью произойдет что-то дурное, пока она будет находиться на твоём попечении, ты не уйдешь от возмездия, куда бы ни спрятался, в какую бы пещеру ни зарылся! – прорычал Тэвис. – Мы явимся за тобой всем войском, всем нашим кланом и со всеми союзниками.

– Я бы разочаровался в тебе, если бы ты поступил иначе, – отрезал Грэм. – Давай прекратим бессмысленные пререкания. У меня не больше желания брать в жены больного дитя, чем у вас отдавать ее за меня замуж. Но ни у вас, ни у меня нет выбора. Лучше покончить с этим до того, как случится что-нибудь непоправимое.

– В этом мы все согласны, – раздался голос стоявшего в отдалении графа Данбара. – Ты обозначил свою позицию, Тэвис. Говорить больше не о чем. Приведи сюда свою дочь, чтобы Грэм познакомился с невестой.

Глава 6

Эвелин почувствовала, как земля под ней задрожала. Подняв голову, она попыталась рассмотреть, кто скачет вверх по склону, на котором она прячется, и увидела, как Броуди из седла внимательно оглядывает окрестности. Когда взгляд брата ее нашел, Эвелин прочла в его глазах явное облегчение.

Он легко спрыгнул на землю, бросил поводья, чтобы конь мог пощипать траву, и направился к сестре. Когда он подошел ближе, Эвелин смогла прочесть по его губам:

– ...Тебя ищут повсюду, Эвелин. Я так... мы все за тебя волновались. Мама совсем расстроилась. Боялась, что ты от страха убежала из замка.

Эвелин нахмурилась. Когда-то она действительно могла поступить столь эгоистично и трусливо, но больше такое не повторится. Конечно, она может трепетать от нависшей над ней угрозы брака, но все же сумеет встретить будущее с высоко поднятой головой и перед семьей ничем не выкажет своего страха. В этом состоит ее долг.

Броуди подал ей руку, помог встать, а потом, к удивлению Эвелин, крепко обнял, прижал к груди и долго-долго удерживал в объятиях.

Эвелин подчинилась, испытывая удовольствие от этого проявления привязанности. Конечно, Броуди всегда был с ней ласков. Из всех родных он выражал свои чувства наиболее открыто и никогда не обращался с ней как с неполноценной. Для него она всегда была лишь младшей сестренкой.

На сей раз все обстояло иначе. Казалось, в утешении нуждается именно он, а не она. Эвелин обняла брата за талию и стиснула изо всех сил. Разумеется, объятие получилось не очень мощным, ведь она не могла обхватить его мускулистое тело целиком.

Эвелин знала, что Броуди разговаривает с ней, и чувствовала, как вибрирует его грудь, но не хотела прерывать объятие и отодвигаться, чтобы прочесть по губам слова.

Наконец Броуди отстранился, взял сестру за руку и хотел повести к дому. Эвелин остановилась, недоуменно нахмурилась и перевела взгляд на его скакуна.

– Потом я кого-нибудь за ним пришлю. Не думал, что найду тебя так близко. Ты же знаешь, я не стану заставлять тебя ехать со мной верхом.

Эвелин оторвала взгляд от его губ и снова посмотрела на жеребца, который мирно щипал траву неподалеку. Она не испытывала ненависти к лошадям, а когда-то любила их больше всего на свете. Ненавидела она другое – неконтролируемый ужас, который охватывал ее, когда она оказывалась рядом с лошадьми, ощущала их запах, чувствовала мощь этих животных.

После несчастного случая она больше не ездила верхом и очень скучала по этим прогулкам. Ей недоставало ощущения полной свободы, когда скачешь по лугу с развевающимися волосами и ни о чем не думаешь. Теперь же одна мысль о том, чтобы сесть в седло, приводила девушку в содрогание: она ведь такая легкая, лошади ничего не стоит сбросить ее на землю.

Броуди слегка подтолкнул ее в сторону замка, потом потянул за руку. Тысячи вопросов роились в голове Эвелин, но она не знала, как заставить его понять, что ей нужны сведения о гостях.

Как выглядит вождь клана Монтгомери: нелепо? Страшно?

Она застыла на месте, высвободила свою руку, кивнула в направлении замка, потом, изображая вопрос, выразительно подняла брови.

Броуди поджал губы и резко выдохнул, слегка надув щеки, потом отвел взгляд, запустил руку в волосы и лишь тогда рискнул посмотреть на сестру. Его глаза светились печалью, тревогой и любовью.

– Прибыл Монтгомери. Он хочет тебя видеть. Он решил не оставаться у нас дольше необходимого. Граф Данбар поддерживает его желание. Боится того, что может произойти, если Армстронги и Монтгомери слишком долго будут рядом.

Эвелин приложила палец к губам брата и отрицательно покачала головой. Потом улыбнулась, не желая, чтобы он печалился. Сейчас ей, как никогда, захотелось набраться храбрости и заговорить. Сама не зная, что вылетит из ее губ, Эвелин решилась и уже разомкнула губы, чтобы издать те гортанные звуки, из которых, как она надеялась, сложатся слова, но тут брат резко отвернулся, поднял руку и что-то крикнул. Эвелин, конечно, не услышала, но почувствовала движение его тела и проследила за взглядом. Оказалось, вдалеке стоит Эйден и жестами показывает, чтобы они возвращались в замок.

Броуди положил ей руку на талию и подтолкнул к замку. Эвелин видела, что он что-то говорит ей, но ее мысли были всецело прикованы к замку, и она не пыталась вникнуть в его слова. Она знала, что именно в такие моменты ее воспринимают как полоумную, ведь она не отзывается и никак не реагирует на чужие слова. Броуди мог говорить что угодно, она все равно ничего бы не узнала.

Эйден встретил их хмурым взглядом. Эвелин поняла, что последуют упреки, и отвернулась – если она не увидит его слов, то их для нее и не будет.

Не то чтобы Эйден был к ней когда-нибудь слишком строг, просто он не так терпелив, как Броуди. И он всегда о ней беспокоится. Будь это в его власти, Эвелин и шагу не сделала бы за пределы крепости. Она всегда помнила, что именно Эйден нашел ее в ущелье. И он больше всех испугался, подумав, что она умерла.

Эвелин вернулась в крепость. Братья шли по бокам, и пришлось признать, что этот эскорт придавал ей храбрости, ибо под их охраной ей ничего не могло угрожать.

Ступив в зал, она застыла на месте. Взгляд тотчас отыскал человека, который обладал здесь наибольшей властью. Было абсолютно ясно, по крайней мере для Эвелин, кто из этих людей вождь клана Монтгомери. Власть казалась неотъемлемой принадлежностью этого человека и окружала его почти различимой для глаз аурой.

Эвелин нервно сглотнула. Ее ладони сделались влажными. Перед ней был по-настоящему крупный мужчина. Крупнее, чем даже ее братья. Широкоплечий, с широкой грудью и узкой талией. И мощными, мускулистыми ногами, которые в

обхвате были шире, чем стан самой Эвелин. Возможно, ее первое впечатление было слегка преувеличенным, но он показался ей человеком-горой.

Его взъерошенные каштановые волосы прикрывали шею и завивались на кончиках. Обстрижены они были как попало и торчали в разные стороны. В отличие от его братьев – Эвелин, во всяком случае, решила, что двое мужчин рядом с ним его братья, – Грэм стриг волосы довольно коротко.

Один из сопровождавших его воинов оказался очень красив, но ничего женственного в этом воине не было. Эвелин не заметила в нем ни единого недостатка. Волосы черные как вороново крыло, ярко-синие глаза... Эвелин в жизни не видела такого красивого лица – просто глаз не оторвать.

Второй воин по другую сторону Грэма ростом не уступал обоим братьям и был очень похож на красавца брата. Честно говоря, из них троих Грэм обладал наименее привлекательной внешностью. Женщины не стали бы восхищаться его лицом, а поэты и барды – слагать стихи о его красоте, но именно он притягивал взгляд Эвелин. Черты лица, обманчиво небрежная поза – все пробуждало в ней любопытство. Грэм, не столь красивый, как младшие братья, приковывал к себе внимание чем-то иным, и Эвелин вглядывалась в него снова и снова.

Постороннему взгляду вождь клана мог показаться расслабленным, но Эвелин чувствовала, как он напряжен и в любую минуту готов к нападению.

И тут случилось нечто поразительное. Эвелин, почти спрятавшись за спины братьев, с любопытством озиралась вокруг и вдруг ощутила в ушах странную вибрацию. Очень слабую, настолько слабую, что Эвелин засомневалась – не вообразила ли ее сама? Но нет, вибрация возникла снова – глубокий, звучный тембр. Голос! Очень низкий, похожий на звуки, которые она временами все же могла слышать, хотя никогда не была уверена, что они реальны. Ей казалось, что это лишь воспоминания о звуках, наполнявших ее мир до того, как этот мир онемел.

Она слегка раздвинула братьев, чтобы оглядеть зал внимательнее и найти источник волшебного звука.

В этот момент остальные заметили присутствие девушки и посмотрели в ее сторону. И тут Эвелин увидела, что губы Грэма шевелятся. Она слышала его

голос!

Не думая о приличиях, Эвелин бросилась вперед, чтобы оказаться как можно ближе к источнику звука, рождающего чудесные ощущения в ушах.

Но как только она оказалась перед Грэмом, его губы прекратили двигаться и сурово сжались. Он мрачно смотрел на нее, как будто принял за дурочку.

Щеки Эвелин вспыхнули. Она смущенно опустила взгляд. Конечно, он решит, что она полоумная! Грэм наверняка слышал всякие разговоры, а тут она выскочила перед ним как ненормальная. Даже не улыбась и не переоделась для встречи с будущим мужем. Должно быть, он сочтет такое поведение ужасно грубым.

Эвелин сделала шаг назад. Ее пальцы дрожали, но все же она решилась еще раз взглянуть на Грэма в надежде, что тот снова заговорит хотя бы для того, чтобы высказать неудовольствие. Она жаждала вновь ощутить в ушах странную дрожь, которая разрушала бесконечную, удушающую пустоту, в которой она жила.

Грэм впился глазами в тоненькую фигурку посреди зала, отметил порозовевшие щеки, мелькнувший в глазах стыд.

Видит Бог, она была поразительно хороша! У него дух захватило от ее красоты. Он и не представлял, что его невеста окажется такой красавицей.

Девушка была очень стройной, почти хрупкой. Наверное, он мог сломать ей кости, просто стиснув как следует. Волосы Эвелин напоминали о солнечном зайчике, но были, пожалуй, чуть-чуть светлее. Златовласая блондинка с самыми синими глазами, какие Грэм только видел! Ее глаза напомнили ему глаза Боуэна, которые тот унаследовал от матери. Их окаймляли длинные черные ресницы, от которых сами глаза казались еще больше на маленьком лице девушки.

Грэм ожидал увидеть ребенка. Ну почти ребенка. Однако перед ним была не девочка на пороге юности, а настоящая женщина с мягкими изгибами бедер и развитой, хотя и не очень большой грудью – совсем не как бутоны у девочек-подростков.

Ему пришлось напомнить себе, что она ненормальная. Во всяком случае, не совсем нормальная женщина. Пока он даже не понимал ни природы, ни степени имеющихся у нее отклонений. Узнать предстояло еще очень многое...

Грэму не понравилось безрадостное выражение ее лица. У него защемило в груди. Может быть, она боится, что он откажется от нее? Отвергнет перед лицом Армстронгов и Монтгомери?

И раздражение из-за союза, который навязал ему король, здесь ни при чем. Просто сама мысль, что он причинит боль столь пленительному созданию, была ему неприятна. Она не виновата в том, что с ней произошло, и в том, что стала пешкой в королевской игре.

– Полагаю, что вы Эвелин? – как можно мягче произнес Грэм.

Девушка вздернула подбородок. К удивлению Грэма, она улыбнулась, ее глаза вспыхнули, все лицо осветилось. От ее красоты у Грэма перехватило дух.

– Я Грэм Монтгомери. Я ваш будущий муж.

При этих словах девушка слегка всхлипнула. Стало ясно, что она понимает, что происходит, хотя бы в целом. Наморщив лоб и слегка наклонив голову набок, она разглядывала его своими поразительно синими глазами. Этот пристальный взгляд смутил Грэма. Он нахмурился. Глаза девушки расширились, она поспешно шагнула к отцу.

Черт возьми, он вовсе не хотел напугать ее! Грэм обернулся к графу Данбару, чтобы выплеснуть свое недовольство, и заметил, что того все происходящее забавляет. Грэм окончательно рассердился. Но тут, к его изумлению, Эвелин сделала шаг вперед, вложила свою маленькую ладонь в его огромную руку и доверчиво переплела тонкие пальцы с его грубыми пальцами. Грэм отвернулся от графа, чтобы взглянуть на невесту, и она ответила ему радостной улыбкой, блеснув ровными зубами.

Лэрд Армстронг издал такой мощный возглас, что звук раскатился по всему залу. Робина зажала ладонью рот. А братья Эвелин явно рассвирепели.

Какие бы опасения ни вызывал у Армстронгов этот брак, их дочь, очевидно, не испытывала ничего подобного.

Глава 7

Думая о происшедшем, Эвелин не до конца понимала, что именно изменило ее отношение к Грэму Монтгомери. Ее порыв был внезапным, и, возможно, ей придется о нем пожалеть. Но ведь свадьбу нельзя отменить. Эвелин прожила на свете достаточно, чтобы это понять. Такова ее судьба – значит, нужно смириться.

Грэм заворожил Эвелин. Она не разбирала слов, но его голос отдавался в ушах низким рокотом. Приятным. Как будто луч света проник в темный, беззвучный мир. В ее жизни были и другие звуки, но Эвелин всегда считала, что воображает их, а теперь вдруг задумалась: неужели она действительно способна что-то слышать?

Она напряженно хмурилась, не обращая внимания на то, что говорила ей мать. Видимо, она слышит только низкие, глубокие звуки. Это точно. Эвелин не помнила, чтобы хотя бы раз слышала женский голос с тех пор, как с ней произошло несчастье. Никакого визга, высоких тонов, никакой музыки. Эвелин печалило больше всего то, что музыка была для нее потеряна.

С низкими звуками иначе. По временам Эвелин могла поклясться, что слышит какие-то шумы, когда ее брат Броуди сердился и явно повышал голос. А однажды, когда отец разозлился на нее за то, что забрела слишком далеко от крепости, Эвелин была почти уверена, что слышала или по крайней мере ощущала в ушах вибрации от его крика.

Во всем этом крылась какая-то загадка. Эвелин хотелось пойти и отыскать своего будущего мужа, чтобы он поговорил с ней. Все, что угодно, будет лучше, чем оглушительная тишина, поймавшая ее в свои силки. Любой звук, пусть даже самый незначительный, для нее драгоценен.

Перед глазами возникла мать, схватила за плечи и слегка тряхнула.

– Дочь моя, ты меня слушаешь?

Эвелин растерянно заморгала. Они стояли в покоях матери, где Эвелин мерила подвенечное платье.

Готовясь к церемонии, Робина подняла на ноги весь замок. Не менее шести женщин занимались шитьем, чтобы свадебное платье было готово вовремя.

– Что ты делала за стенами? – с тревогой спросила Робина. В ее глазах отражалось не только беспокойство за дочь, но и искреннее любопытство. – Ты должна научиться сдерживать свои порывы, – наставительным тоном продолжила она. – С Грэмом Монтгомери не шутят. Не знаю, что бы он сделал, если бы ты нарушила приличия таким образом в его замке. Нам неизвестно, что он за человек. Он клянется, что не имеет привычки обижать женщин, но характер мужчины познается не сразу. Ты должна это понять.

При этих словах Эвелин нахмурилась. Рассмотрев Грэма как следует, она уже не считала будущего мужа чудовищем. Черты его лица были словно высечены из камня. Люди могли бы сказать, что такой, как Грэм, способен разорвать человека на части за один кривой взгляд. Однако Эвелин ощущала в нем нечто иное, но пока не разобралась, что именно. Одно знала точно – к ней он проявил чрезвычайную доброту и терпение. Не упрекнул за нелепое вторжение. Не потребовал, чтобы она удалилась.

Не обиделся на излишнюю смелость. Говорил с ней мягко. Монстр, замысливший худое по отношению к будущей жене, не мог бы произнести таких слов. В этом Эвелин не могла ошибаться.

Правда, она не слишком хорошо разбиралась в людях. Нельзя отрицать, что она намеренно избегала людей, не желая видеть их страх, ощущать насмешки. Круг ее близких составляли только родители и братья. С посторонними она почти не общалась.

Тем не менее Эвелин была уверена, что не ошиблась в отношении Йена Макхью, и постоянно напоминала себе об этом, а ведь Йен сумел обвести вокруг пальца даже ее отца, не говоря уже о братьях.

Эвелин взяла мать за руки и притянула их к своему сердцу. Робина удивленно нахмурилась. Дочь стиснула ей руки, потом наклонилась и поцеловала в щеку. Когда Эвелин отстранилась, Робина с тревогой заглянула в ее лицо, но вдруг ее осенило:

– Ты ведь хочешь этого, правда? Хочешь выйти замуж за Грэма Монтгомери?

Эвелин снова сжала ей руки и медленно кивнула.

Робина бессильно опустилась в кресло возле маленького столика.

– Никогда бы не подумала. Я так боялась. Мне не хочется, чтобы ты уходила от нас, лишилась нашей заботы. Ты ведь наше дитя, Эвелин.

Мать выглядела такой несчастной, что у Эвелин защемило сердце. От жалости у нее опустились уголки губ.

– Мне следовало догадаться, – продолжила Робина. – Следовало понять, что ты захочешь того же, чего хотят все нормальные девушки, – мужа, детей, самостоятельной жизни. Но я не могла себе представить, что ты на это способна – способна осознать свой долг. Ты действительно все понимаешь, Эвелин?

Мать подняла на нее встревоженный взгляд, стараясь прочесть правду по лицу дочери, по выражению глаз.

Эвелин понимала, что многого не знает. Конечно, она справлялась с бытовыми проблемами, но кое-какие вещи ей никогда не объясняли. Однако ей не хотелось огорчать мать еще больше, и она не стала отрицательно качать головой. Ведь замужество не может быть таким уж сложным делом, правда? Она всю жизнь видела перед собой пример отца и матери. Мать твердой рукой вела домашнее хозяйство и умела справляться с отцом так, как ей было нужно. Конечно, у самой Эвелин не было опыта, ей не доводилось применять свои знания в жизни, но ведь это не значит, что она к этому не способна.

Эвелин посмотрела на мать и просто кивнула. Пусть думает что хочет.

Робина вздохнула и устало потерла лоб.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. И подумать боюсь, что здесь ты счастлива не была. Мы пытались тебя защитить. Надеюсь, ты это понимаешь?

Эвелин улыбнулась, надеясь, что ее лицо сумеет выразить всю любовь, которую она испытывала к матери. Робина тотчас вскочила с кресла, порывисто шагнула к дочери и крепко обняла.

Теперь Эвелин не могла прочесть по губам слова матери, но это и ни к чему. Все, что нужно было знать, объяснили эти объятия.

– Нам надо поговорить, Армстронг, – заявил Грэм, стоя лицом к лицу с отцом Эвелин.

Тэвис ответил ему настороженным взглядом. Впервые за все время Грэм ощутил тень сочувствия к старшему противнику, но тут же подавил его. Армстронги не заслуживают его сочувствия. Они не проявляли милосердия к людям его клана, и сам Грэм тоже не знал жалости к ним.

– Садись. Выпьем эля, и ты выскажешь, что у тебя на уме.

Грэм сделал знак братьям оставаться на месте, а сам прошел с Тэвисом к большому столу на помосте в торце зала. Его удивила неожиданная любезность Армстронгов – они решили усадить его на место, куда приглашают только почетных гостей.

Появилась служанка с кувшином эля и двумя кубками, поставила все на стол и тут же исчезла. Мужчины остались наедине.

Граф Данбар удалился. Видимо, полагал, что больше не будет никаких враждебных действий. Боуэн и Тиг стояли в противоположном конце огромного зала и с воинственным видом смотрели на двоих братьев Эвелин. Грэм бросил на них острый взгляд и мотнул головой на один из столов поменьше, показывая, что им следует сесть, потом обратил все свое внимание на лэрда Армстронга.

– Мы оба знаем, что ни один из нас не желает этого союза.

Тэвис стиснул зубы и хотел было заговорить, но взгляд Грэма его остановил.

– Но я буду обращаться с твоей дочерью хорошо, – продолжал гость. – Я окажу ей больше уважения, чем ты или твои люди выказывали моему клану.

Глаза Тэвиса гневно сверкнули, но он продолжал слушать Грэма, не проронив ни слова.

– Беседуя с леди, вашей женой, я сказал правду. Я не воюю с невинными, а ваша дочь, возможно, более невинна, чем большинство из нас. Ясно, что она другая. Можете не опасаться дурного обращения с моей стороны. У нее будет все, что ей нужно. Однако вы не должны считать наш брак приглашением являться в мои владения.

– Я должен отослать свою дочь и никогда ее больше не видеть? – грозно спросил Тэвис. – Как я узнаю, что ты держишь слово, если не увижу доказательств?

– Я позволю ей наносить вам визиты, но только когда это будет удобно и когда я буду знать, что не столкнусь с нечестной игрой. Но ни один из Армстронгов, исключая Эвелин, никогда не переступит наших границ. Я клянусь в этом самой страшной клятвой. Если случится иначе, прольется кровь.

– Тогда знай, что ни один из Монтгомери, кроме единственного сопровождающего для моей дочери, не вернется на мою землю. Сегодняшний день считай исключением, вызванным только повелением нашего короля, – сквозь зубы процедил Тэвис.

– Ясно, – отозвался Грэм. – Мы подпишем договор. Король получит то, что желает, но мы друг друга поняли. А теперь расскажи побольше об Эвелин. Она всегда ведет себя так странно?

Тэвис стал хмуриться, но Грэм поднял руку.

– Я не имею в виду ничего оскорбительного. Ты сам видел, что она подошла ко мне без страха. По вашему виду я решил, что это для нее необычно.

Тэвис мрачно кивнул.

– Необычно. В жизни не видел, чтобы она себя так вела. Эвелин очень застенчива и предпочитает быть одна. Должен сказать, меня это устраивает. Не все в нашем клане проявляют терпимость к ее недугу. Разумеется, я не допущу, чтобы над ней насмехались или еще как-нибудь обидели те, кто считает ее инструментом дьявола.

Брови Грэма поползли вверх.

– Инструментом дьявола?

– Ты же понимаешь, что люди думают, сталкиваясь с такими, как Эвелин. Глупо рассчитывать, что в твоём клане будет иначе. Для твоих людей у моей дочери два порока. Первый – то, что она Армстронг. Ее возненавидят за одно только происхождение. Второй – ее станут считать ненормальной, тронутой, порченной. Будут и другие слова – похуже. Опасная ситуация. Тебе придется быть начеку. Если глупые люди сочтут Эвелин исчадием сатаны, ее могут просто убить.

– А она правда такая? Ненормальная? – бесстрастным голосом спросил Грэм.

– Не знаю, – устало ответил Тэвис. – Иногда мне кажется, что она прекрасно понимает все, что происходит вокруг. Реагирует, когда мы говорим с ней. Разбирается в трудных ситуациях. Но бывает и по-другому. Тогда кажется, что мы для нее не существуем, что она живет в каком-то своем мире.

– Она вообще не говорит?

Тэвис кивнул.

– С того несчастного случая и последовавшей горячки – ни слова. Не знаю почему. Может, у нее была мозговая лихорадка, которая что-то повредила... А может, тот случай так ее напугал, что она даже говорить о нем не хочет. – С обеспокоенным видом Тэвис вдруг подался вперед. – Она не может ездить верхом. Не пытайся ее заставить.

Грэм нахмурился.

– Не может ездить верхом? Почему вы не позаботились о том, чтобы научить ее? У нас нет с собой повозки, чтобы доставить Эвелин в мой дом. Но, черт возьми, я не заставлю ее идти пешком!

– Дело не в том, что ее не учили. Когда-то она была прекрасной наездницей, лучшей и представить себе было нельзя. С самого раннего возраста она очень ловко управлялась с лошадьми. Они просто тянулись к ней. Эвелин могла заставить их сделать все, что угодно. И носилась на них быстрее ветра. Бывало, страшно меня пугала. Босая вскакивала на неоседланную лошадь и носилась по лугу с развевающимися волосами. Я всегда боялся, что она убьется, но девочка так радовалась, что у меня не хватало духу запретить ей. – Тэвис вздохнул. – А потом произошла эта история. Как раз этого я и боялся. Она упала. Жеребец испугался чего-то и сбросил Эвелин. Она скатилась в глубокую расселину и ударилась головой. Мы нашли ее только через три дня. К тому времени она уже была больна. Горячка не проходила две недели. После болезни Эвелин так и не стала прежней. Теперь она страшно боится лошадей. Ты должен это знать, чтобы никогда не пытаться посадить ее в седло.

– Черт возьми! Как же я отвезу ее в свой замок?! – воскликнул Грэм.

– Я дам повозку, – сказал Тэвис.

Грэм с досадой вздохнул. Еще одна головная боль! Король задумал этот брак, чтобы остановить кровопролитие, но Грэму он казался смертным приговором.

– Не знаю, станет ли она когда-нибудь тебе настоящей женой, – пробормотал Тэвис, и в его голосе Грэму слышались просительные нотки. – Не спеши с этим делом. Я готов на что угодно, только бы ее не обижали. Мы ею очень дорожим. Тебе достается настоящее сокровище, лэрд. Поверишь ты мне или нет, но ты получаешь нечто более драгоценное, чем золото.

Глава 8

Грэм поднялся в свои покои. Как почетному гостю, ему предоставили комнату в верхнем крыле, тогда как его братьям отвели место в большой общей спальне,

где вдоль стен стояли кровати для многих воинов.

Комната Грэма располагалась рядом с помещением для графа Данбара, и Грэм решил, что именно граф настоял, чтобы нежеланному гостю оказали эту честь. Армстронги, разумеется, предпочли бы, чтобы он со своими людьми встал лагерем за стенами крепости. А еще лучше, чтобы Монтгомери никогда не ступали на их землю.

Грэм распахнул дверь, надеясь поскорее упасть в постель и отдохнуть после трудного дня. Завтра он женится и отправится домой, навстречу неизбежному будущему. Или его отсутствию. Грэм был не из тех, кто замыкается на мрачных мыслях, но сейчас он впервые испытал отчаяние. Рухнула мечта о наследнике, о том, чтобы передать свой титул и власть собственному сыну. Рухнула и надежда отомстить клану, виновному в смерти отца.

Шагнув в комнату, Грэм с удивлением понял, что свечи уже горят, а в камине пылает огонь. И удивился еще больше, увидев, что на краю постели сидит Эвелин и напряженно вглядывается в его лицо.

На ней было то же самое платье, что и днем. Леди Армстронг оделась подобающим образом, чтобы почтить гостей, пусть и незваных. Эвелин же встретила его в простом платье, которое ничем не отличалось от одежды других женщин клана Армстронгов. Но повседневный наряд не испортил впечатления, а лишь подчеркнул контраст между простотой платья и красотой девушки. Грэм решил, что в мире не существует одежды, которая могла бы повредить внешности Эвелин.

Казалось, Эвелин беспокоится, что ее вторжение рассердило Грэма. И он должен был рассердиться, ведь она нарушила его покой, а кроме того, неприлично девушке являться в покои жениха накануне свадьбы. Ее родственники придут в бешенство, если узнают, где она находится. К тому же может пострадать его собственная честь, которую Грэм так ревностно охранял.

Тем не менее он не мог заставить себя выказать незваной гостье свое неудовольствие. Еще не решив, что делать дальше, он прошел в комнату, закрыл за собой дверь и с минуту смотрел на Эвелин в мягком свете канделябров. На щеках его невесты вспыхнул легкий румянец.

Она была ангельски прекрасна. Грэм никогда такой не видел. И дело даже не в том, что он не встречал женщин красивее Эвелин. Нет, она была самой... Грэм нахмурился. Самой – какой?

Было в ней нечто такое, перед чем нельзя было устоять и что Грэм не сумел бы выразить словами. Ей недоставало умелой грации более зрелых женщин, но в то же время Эвелин не казалась слишком юной девушкой, на которую мужчина еще и не взглянет. Она была... такой как надо.

О Боже, неужели невеста вызывает в нем вожделение? Грэм рассердился. С ней следует обращаться мягко, по-доброму. Ясно же, что с девчонкой что-то не так, пусть он и не знает, до какой степени. А он сейчас смотрит на нее как на будущую жену со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Пусть она Армстронг! Нельзя же наказывать девушку за грехи родственников. Вероятнее всего, она вообще не сознает того, что происходит вокруг.

Разумеется, Грэм не желал считать кого-либо из Армстронгов жертвой, но у него хватало ума понять, что она не больше его самого заслужила, чтобы ей навязали этот брак.

Эвелин заберут из дома – единственной безопасной гавани, которую она имела. Разлучат с теми, кто любил и защищал ее, а Грэм уже понял, что в семье ею дорожили. Эвелин окажется во враждебном окружении. Разве может кто-либо из Армстронгов найти себе подобающее место в клане Монтгомери? Как бы он ни поступил, впереди одни трудности. Он сам получает нежелательную жену и сомнительное перемирие с Армстронгами, но Эвелин теряет больше всех.

Казалось, гостя устала от его пристального взгляда, слегка нахмурилась, затем встала, подошла ближе к Грэму и протянула руку к его лицу.

Грэм непроизвольно отшатнулся.

Обида затуманила глаза Эвелин. Уголки ее губ опустились. Она отдернула руку.

Раскаиваясь в том, что невольно причинил ей боль, Грэм взял ее руку и поднес к своему подбородку – месту, которого она только что почти коснулась. Он не

понял ее намерения, но решил посмотреть, что получится.

Эвелин улыбнулась, и Грэм был опять поражен тем, как преобразилось ее лицо – как будто осветилось лучами солнца. Ее пальцы осторожно скользнули к его губам и шевельнули их вверх-вниз. С расширившимися глазами Грэм стоял и не понимал, что происходит.

Увидев, что он не реагирует, Эвелин нахмурилась, положила обе ладони ему на щеки и надавила так, что его губы выпятились.

Нахмутив лоб, она пристально смотрела ему в глаза, как будто пыталась сказать: «Ты что, не понимаешь?» Грэму стало ясно, что Эвелин хочет, чтобы он заговорил. Он едва не рассмеялся. Все относится к ней как к дурочке, а тут она ведет себя так, как будто бессмысленный болван – он.

Она хочет, чтобы он заговорил. Грэм понятия не имел о чем, одно было ясно – надо что-то сказать.

– Эвелин, тебе не следует здесь находиться, – ласковым тоном сказал он. – Так не полагается. Если об этом узнает твой отец, то наверняка объявит мне войну, которая, без сомнения, приведет в негодование нашего короля.

Сдвинув брови, Эвелин бросила на него сердитый взгляд, потом качнула головой и подняла руки, как будто сказала: «А кто узнает?»

Она снова коснулась его губ, но на сей раз Грэм уже понимал, чего она добивается. Вздыхнув, он подвел ее к креслу у очага и жестом пригласил сесть. Потом подтащил от окна небольшую низкую скамейку и устроился рядом.

Они сидели бок о бок, но не успел Грэм придумать тему для разговора, как Эвелин поднялась со своего места и сдвинула кресло так, чтобы оказаться напротив Грэма. Потом снова села и стала напряженно смотреть ему в лицо.

Никогда в жизни Грэм не чувствовал такого смущения. Язык у него словно одеревенел. Он не мог придумать, что сказать. Дело пошло бы легче, если бы она могла говорить. Тогда она стала бы задавать вопросы. Да, на вопросы он бы отвечал с легкостью, но самому найти тему...

Грэм не привык много говорить, а тем более вести легкую беседу. Он предпочитал краткость. Его братья шутя говорили, что заставить Грэма произнести несколько слов кряду все равно что протащить веревку в игольное ушко.

Ну что же, он будет говорить о браке. Раз завтра свадьба, можно считать, что это и есть единственная причина, почему Эвелин оказалась в его покоях. Надеялась развеять свои страхи? Выяснить, насколько страшен он для женщин?

Чувствуя, как его раздражает собственная неуверенность, Грэм откашлялся. Ему бы меч в руки и врага, чтобы сразиться. С этим бы он справился. Но с юной леди, которая сидит напротив и с нетерпением ждет, что он заговорит... Этому не учился ни он, ни его люди.

– Ты понимаешь, что завтра нас обвенчают? – ворчливым тоном произнес наконец Грэм.

Эвелин улыбнулась и кивнула. Это хорошо. Во всяком случае, она не бросилась вон из комнаты, как будто за ней гнались все псы ада. Тем не менее Грэм не был уверен, что она в полной мере осознает все последствия их брака.

– Ты понимаешь, что, как только церемония окончится, мы уедем из твоего... из этого замка и вернемся во владения Монтгомери?

Ее лицо омрачилось, но она снова кивнула.

– Правда состоит в том, что я понятия не имею, как с тобой обращаться, Эвелин Армстронг, – признался Грэм. – Я ведь еще не думал о женитьбе. А если бы думал, то выбрал бы девушку из собственного клана. Привыкшую к образу жизни Монтгомери. Умеющую вести хозяйство в замке. Мои люди...

Грэм на мгновение умолк, потому что Эвелин кивала и при этом не отрывала глаз от его губ. Но на ее лице было такое выражение – счастья? – что Грэм был изумлен.

Он решил не обращать внимания на странное поведение невесты и еще раз откашлялся, чтобы продолжить:

– Я со своими людьми каждый день тренируюсь. Как у вождя клана, у меня есть и другие дела. Ко мне приходят соплеменники, чтобы разрешить споры, рассказать о своих бедах, попросить совета.

Взгляд Эвелин выразил нетерпение. Она покачала головой, потом обвела рукой комнату, как будто пыталась включить в этот жест весь замок, и бросила на Грэма еще один нетерпеливый взгляд, как будто напоминала ему о том, что она дочь тана – вождя клана – и хорошо представляет себе обязанности лэрда.

Грэм вздохнул. Значит, ей неинтересно слушать про его занятия. Он не винил Эвелин. Должно быть, ей скучно, рассказ получился совсем не блестящий, но ведь он так не любит длинные разговоры.

– О чем бы ты хотела поговорить?

Вопрос мог показаться ей нелепым, ведь она-то говорить не могла, но тема, которую выбрал он, ей не понравилась.

Однако Эвелин еще раз улыбнулась, подалась вперед, направила на него палец, а затем прижала его к плечу Грэма.

– Обо мне? – недоверчиво спросил Грэм. – Ты хочешь поговорить обо мне? – Ему не удалось скрыть собственный ужас. О чем он станет говорить? Грэму казалось, что он предстал перед судом, перед лицом короля, присяжных и обвинителей и теперь ему предстоит дать отчет о своих действиях.

Как ей удалось привести его в состояние такой растерянности?

Эвелин широко улыбнулась, ее лицо озарилось радостью, и она решительно закивала в ответ.

Черт подери, надо, чтобы она ушла из его комнаты! Все происходящее здесь похоже на сумасшествие!

Но Грэм не мог смотреть на искорки в ее глазах, на эту чарующую улыбку и сохранять в сердце и разуме привычную уверенность. Найдется ли в Шотландии человек, который сумеет отказать этой несравненной красавице?

– Что ты хочешь узнать? – хриплым голосом спросил он, но тут же осознал, насколько глупо задавать вопросы женщине, которая не может выразить свою мысль. Он покачал головой. – Не обращай внимания. Я просто не подумал.

Эвелин явно ждала продолжения, а Грэм не знал, что сказать о себе. Он не привык копаться в своей душе, оценивать себя, свои предпочтения, свою жизнь. Он просто жил, и все. Был вождем клана, а это означало большую ответственность. У него не было времени, чтобы погружаться в раздумья и размышлять о том, что он за человек.

Может быть, Эвелин просто нуждается в поддержке? Ему пришло в голову, что он заверил ее отца и даже мать в благородстве своих намерений, но сама Эвелин его обещаний не слышала.

Да, именно это она наверняка и хочет услышать, а эту тему Грэм вполне способен с ней обсудить.

– Эвелин, – осторожно начал он, убедившись, что она слушает, по-прежнему не сводя с него глаз, не отрывая взгляда. Никогда в жизни Грэма не рассматривали с таким вниманием. – Ты должна знать, что я не считаю тебя виновной за грехи твоих родственников.

Эвелин нахмурилась. Нет, она помрачнела. Лицо вдруг приняло ожесточенное выражение, но все равно осталось привлекательным. Грэма это даже позабавило.

– Я понимаю, что ты не сделала ничего дурного. Ты сама жертва. Обещаю обращаться с тобой хорошо и с почтением, какое подобает дочери вождя, а теперь и жене вождя. Я не стану наказывать дочь за грехи отца.

К изумлению Грэма, Эвелин подскочила на месте, сжала руку в кулак и ударила его прямо в нос. Он качнулся назад, непроизвольно схватившись за место ушиба. Не то чтобы удар был силен и причинил ему заметную боль, просто Грэма удивила реакция Эвелин.

А девушка уже пронеслась мимо него. Ее ноги ступали легко, несмотря на то что она очень старалась выразить свой гнев.

Эвелин распахнула дверь, и Грэм опомнился. Если она хлопнет дверью как следует – а именно это она, похоже, и собиралась сделать, – проснутся домочадцы, выскочат в коридор и увидят, как она вылетает из его комнаты. И что потом? Все демоны ада вырвутся на свободу!

В последний момент Грэм успел придержать дверь, и Эвелин выскочила из комнаты бесшумно. А он стоял, тяжело дыша, и долго смотрел ей вслед, пока ее фигура не растворилась во мраке темного коридора.

Пусть она и не в себе, но ей явно не нравится, когда поносят ее родню. Грэм сочувственно улыбнулся. Его всегда восхищала верность. Он требовал ее от других. Едва ли он смог бы уважать девицу, которая спокойно сидела бы и выслушивала хулу на своих родственников.

Потом он тихонько прикрыл дверь и стал раздеваться, чтобы лечь, но вдруг рассмеялся. Невеста оказалась настоящим сюрпризом; правда, он так и не понял, что с ней делать. Грэм мог быть уверен только в одном – теперь он едва ли будет точно знать, что принесет ему каждый из дней и как поведет себя его будущая жена.

Глава 9

Утром первый взгляд на невесту привел Грэма в смущение. Казалось, что девушка, с которой он провел несколько минут накануне вечером, была ничем не похожа на ту, что стояла в зале, где их должны были обвенчать.

Грэм задержался в дверном проеме и стал наблюдать за происходящим, но его глаза постоянно возвращались к Эвелин.

На ней было платье, красивее которого он в жизни не видел. Ярко-синее, с изысканной вышивкой, оно ниспадало пышными складками от талии. Лиф платья, хотя и скромный, притягивал взгляд к женственным изгибам груди, которые пробуждали у Грэма чувство вины от того, что он их вообще замечает.

Ее золотистые волосы, подобные весеннему потоку солнечного света в горах Шотландии, спереди были приподняты, а сзади спадали на спину шелковой волной.

Эвелин была прекрасна, но чего-то в ней не хватало.

Не хватало живости, искры в глазах, которую он видел накануне.

Она выглядела так, словно была где угодно, но только не здесь. Взгляд был отстраненным, пустым, будто она не видела и не слышала, что происходит вокруг.

Эвелин казалась усталой, расстроенной, испуганной. Последнее особенно разозлило Грэма. Он сам не понимал почему. Меньше всего он хотел, чтобы она его боялась. Ее страх будил в нем инстинкт защитника, который не должен относиться ни к кому из клана Армстронгов. Но инстинкт не спрашивает. Грэм чувствовал, что готов сразиться против любого, кто виноват в этом ее настроении.

Он постоял еще немного, наблюдая, как завершаются приготовления к свадьбе. Эвелин тихо стояла возле матери, сцепив руки перед собой. Грэм вдруг понял, что Эвелин не испугана, она просто не понимает, что происходит.

Грэм помрачнел. Неужели у нее бывают хорошие и плохие дни? Возможно, она обретает и теряет ясность рассудка без всякой системы? Может быть, болезнь подействовала на мозг и вызвала разительные изменения поведения? Тогда понятно, чем объяснить ее странное поведение с ним вчера.

Настроение Грэма совсем упало. Он наконец осознал, что этот брак ляжет на него тяжким бременем. Вместо того чтобы стать мужем, он превратится в опекуна. Будет защищать Эвелин, следить, чтобы о ней заботились, но женой она ему никогда не станет.

К тому же никто никогда не упрекнет его за связь с другой женщиной, раз он женат на Эвелин, которая не способна исполнять супружеские обязанности, и потому его руки развязаны.

Однако Грэма такое положение не привлекало. Было в этом что-то бесчестное, ведь Эвелин не виновата в том, что она такая. Он не сможет заставить себя предать ее и навлечь позор на них обоих. Он останется верен женщине, с которой никогда не будет близок. Да, его будущее безнадежно.

Он окинул взглядом зал и остановил его на Эвелин, которая стояла на том же месте, по-прежнему тихая и спокойная, как будто пребывала в иных мирах. Но вот их взгляды пересеклись, и все в ней переменялось. Эвелин улыбнулась. В глазах появился свет. Потерянное выражение исчезло с лица, оно ожило и засветилось. Щеки порозовели. Стало понятно, что сейчас она именно здесь, в этом зале, и смотрит на жениха.

Решив, что не стоит давать Эвелин возможность броситься к нему и сдавить его губы, чтобы заставить говорить, Грэм сам шагнул к невесте.

Мать Эвелин подняла на него встревоженный взгляд и обняла дочь за талию, но та отвела ее руку и с улыбкой пошла навстречу Грэму.

Грэм поклонился леди Армстронг и повернулся к Эвелин, которая тотчас его коснулась. На сей раз она дотронулась только до руки.

Простое прикосновение, но сколько в нем смысла! Ее пальцы остались на его обнаженной руке как знак доверия. Эвелин запрокинула голову, чтобы заглянуть в лицо Грэму, и опять улыбнулась. Ее синие глаза излучали счастье.

Желая ее порадовать, Грэм заговорил. Ей не пришлось заставлять его.

– Ты чудесно выглядишь, Эвелин. Такой прекрасной невесты свет еще не видел.

В ответ девушка просияла, просто расцвела от его слов.

Мать Эвелин выглядела ошеломленной, но не комплиментом Грэма. Приоткрыв рот, она с удивлением посмотрела на дочь, потом перевела недоуменный взгляд на Грэма.

– Лэрд, между вами и моей дочерью что-то есть? – негромко спросила она.

Грэм нахмурился. Эвелин тотчас обернулась к матери. Улыбка исчезла с ее лица.

– Миледи, заверяю вас, между вашей дочерью и мной есть только грядущий брак. Разве мы не для этого собрались у вас в главном зале? Монтгомери явились сюда не для обмена любезностями с соседями и не с дружественным визитом.

– Она отозвалась на твои слова, – дрожащими губами пробормотала Робина, не обращая внимания на гневную ноту в голосе Грэма и прозвучавший в его словах упрек.

– Я вас не понимаю, миледи, – с недоумением проговорил он.

Робина покачала головой и потерла висок.

Грэм вдруг заметил следы крайней усталости и опустошенности на ее лице. Казалось, она не спала много ночей. Грэм невольно пожалел ее, хотя это было нелепо – сочувствие к врагу было чуждо его душе, меньше всего он хотел сейчас испытывать нечто подобное.

Робина подняла руку и слегка пошевелила пальцами, как будто пытаясь подобрать нужные слова.

– Большую часть времени Эвелин словно бы отсутствует. Она всегда жизнерадостная, покладистая, добрая, но редко обращает внимание на мир вокруг себя. Часто я даже не знаю, понимает ли она, что происходит. Но на твой комплимент она явно отозвалась. Отреагировала так, как это сделала бы любая нормальная женщина.

– Это для нее необычно? – спросил Грэм.

Общаясь с Эвелин, он, черт возьми, был твердо уверен, что она прекрасно его понимает. Ошибки быть не могло, поэтому сейчас он решил проявить осторожность. Похоже, мать готова обсуждать состояние Эвелин, не смущаясь ее присутствием, а вот Грэм полагал, что такие разговоры могут ее обидеть. Неужели вся семья обращается с Эвелин именно так – как с бессмысленным дитя?

– Отойдем на минуту, миледи, – произнес он, изящным жестом предлагая Робине руку.

Лицо Эвелин омрачилось, в глазах появилась боль. Она вопросительно посмотрела на Грэма.

– Я вернусь через минуту, Эвелин, – успокоил ее Грэм. – Просто я хочу поговорить с твоей матерью, объяснить ей, что ты попадешь в хорошие руки. Ей будет легче смириться с твоим замужеством.

Лицо девушки смягчилось. Она бросила на мать взгляд, полный бесконечной любви.

– Пойдемте, – сказал Грэм Робине, прежде чем она успела снова заговорить в присутствии дочери.

Так и не справившись с удивлением, Робина покорно последовала за ним. Когда они отошли достаточно, чтобы, по мнению Грэма, Эвелин не могла их слышать, он остановился и в упор посмотрел на Робину.

– Должен признаться, миледи, что я чувствую определенное недоумение. Эвелин отреагировала на мои слова. Более того, могу сказать, что у нас в некотором роде состоялся разговор, хотя Эвелин, разумеется, не произнесла ни слова. Однако это не помешало ей дать мне понять, чего именно она хочет, какого рода сведения желает получить.

От изумления Робина открыла рот. Она явно была поражена.

– По вашему виду можно заключить, что для Эвелин это необычное поведение, – с мрачным видом предположил Грэм.

– Необычное? Эвелин – милое, нежное создание. Конечно, она реагирует на окружающих, но только на членов семьи. На посторонних – никогда. Не знаю почему. Возможно, иногда она просто не понимает чего-то или впадает в странную рассеянность. Большую часть времени она делает что хочет. Мы этому не препятствуем, потому что хотим, чтобы она была счастлива.

Робина произнесла последние слова так неистово, что Грэм был тронут. Как эта женщина любит свою дочь, как страдает оттого, что Эвелин не такая, как другие девушки, с нормальным будущим. И снова его сердце смягчилось. Смягчилось к одной из Армстронгов. Надо быстрее убираться из этих проклятых мест, иначе он скоро будет сочувствовать всему семейству!

– Вот что я вам скажу, – осторожно начал Грэм. – Пусть мы с Эвелин и не разговаривали обычным образом, но, без сомнения, общались. Более того, она прекрасно понимает, что сегодня должно произойти, и не боится.

– Откуда ты знаешь? – требовательно сказала Робина. – Она не говорит. Откуда же тебе знать, о чем она думает?

Грэм пожал плечами.

– Мы общались. Миледи, вы хотите, чтобы я объяснил то, чего сам пока не понимаю. Однако чувствую, что чем больше времени буду проводить с Эвелин, тем лучше стану понимать, каким она видит мир вокруг себя и насколько верно его воспринимает.

Робина посмотрела на дочь, потом снова на Грэма. В ее взгляде явно сквозила неуверенность.

– Прояви к ней доброту, лэрд. Мне кажется, ты ей понравился.

Не сказав больше ни слова, Робина повернулась к нему спиной и поспешила к дочери.

Похоже, леди Робина права. Через мгновение Эвелин, отыскав взглядом Грэма, улыбнулась. Улыбнулась один только раз, но Грэм почувствовал, что вся комната осветилась теплом этой улыбки. У него захватило дух, а грудь стиснуло так, что стало трудно дышать. Потом Робина обняла дочь и заслонила от его глаз. Да и кстати, потому что в этот момент чья-то тяжелая рука легла на плечо Грэма. Он обернулся и увидел за спиной Тига и Боуэна.

– Сколько еще нам все это терпеть? – пробормотал Тиг. – Люди уже начинают беспокоиться. Мы не сможем долго их удерживать. Это все равно что просить

голодного волка спокойно сидеть и смотреть, как стая обдирает убитого оленя, и не броситься на него.

– Церемония начнется, как только явится ее отец с графом Данбаром. Потом мы сразу уедем.

Боуэн нахмурился.

– Грэм, тебе этот граф не кажется подозрительным? Мне не нравится, что он столько времени провел с Армстронгом. Тут что-то не то. Король прислушивается к Данбару, он его любимчик. И надо смотреть правде в глаза – Монтгомери больше всех теряют от этого так называемого договора.

Грэм насупился.

– Это не так. Мы ничего не отдаем, тогда как Армстронги отдают свою дочь злейшим врагам. Можно сказать, что король на нашей стороне.

У Тига отвисла челюсть.

– Ничего не отдаем? Грэм, ты не получишь наследников. Не получишь... ничего. Эта девица ни на что не пригодна.

Грэм с яростью обернулся к брату:

– Она не непригодна! Никогда не говори так в моем присутствии! И вообще ничего не говори.

Тиг удивленно приподнял брови, но замолчал.

– Он мог приказать, чтобы Рори вышла замуж за одного из них, – смягчившись, напомнил Грэм. – В этом была бы логика. У Армстронга два сына брачного возраста, но о них речь не шла.

– Только через мой труп! – проревел Боуэн. – Рори еще совсем ребенок.

Грэм обжег его гневным взглядом.

– Разве Эвелин не такой же ребенок? Во многих отношениях Рори стала бы более подходящей женой, чем Эвелин. Рори еще очень молода, но крепка и здорова и может рожать. И она уже в брачном возрасте. Мы с вами знаем, что она еще не готова к замужеству, но королю это неизвестно. Он мог бы забрать ее у нас, и мы ничего не смогли бы поделать, разве что объявить войну королю.

Тиг сглотнул и крепко сжал зубы. Одна мысль об этом привела его в бешенство.

– А теперь представь, что чувствуют Армстронги, – негромко продолжил Грэм. – Представь, что чувствовали бы мы, если бы сейчас наблюдали, как Рори выдают замуж за Армстронга.

– Что-то ты подобрел, – прошипел Тиг. – Начал сочувствовать этим мерзавцам. Они не заслуживают ни нашей жалости, ни сочувствия.

Грэм кивнул:

– Я знаю. И не жду, что ты их полюбишь. Просто хочу, чтобы ты представил себе обратную ситуацию – что Рори приказали бы выйти замуж за Армстронга.

– Это немыслимо, – вмешался Боуэн. – Не могу понять, почему семья Эвелин не восстала против воли короля.

– Потому что Армстронг знает: это будет смертный приговор всему его клану, – объяснил Грэм. – Мы можем ненавидеть этого человека, но он не глупец. Дочь за весь клан? Ему это тоже не нравится, он страдает, но понимает, что другого выхода нет. Если бы нам приказали отдать Рори, у нас бы тоже не было выбора.

– Женись, и уберемся отсюда, – пробормотал Тиг. – Хочу оказаться на собственных землях раньше, чем кто-нибудь решит, что мы ничего не даем взамен того, что забираем. Я все равно считаю, что расположение короля и графа Данбара на стороне Армстронгов. Он избавил их от обузы и навязал тебе жену, которая не может дать наследников. Ну что, в самом деле, они тебе отдают, Грэм? Мое мнение, что король обидел тебя. Ты вождь клана, тан. Твоя кровь должна наследовать твою власть. А король лишил тебя этой возможности.

Глава 10

Эвелин стояла рядом с Грэмом напротив священника и ждала начала церемонии. Ей казалось, что было бы уместно взять Грэма под руку, но она не шевелилась, сцепив руки перед собой и спрятав в складках своего чудесного платья, чтобы никто не заметил, как они дрожат.

Она внимательно следила по губам, о чем говорят между собой присутствующие на венчании, и уже поняла, что отец вместо нее будет отвечать на вопросы священника.

Девушка не знала, как к этому относиться. Она отдала бы все на свете, чтобы самой произнести брачные обеты, но боялась попробовать, боялась выговорить положенные слова, не знала, что у нее получится – шепот или крик.

Может быть, оказавшись во владениях Монтгомери, она попробует... начать сначала? Может быть, даже вместе с Грэмом, но не раньше, чем убедится, что действует правильно.

Ее заворожил мужчина, который должен стать ей мужем, но он ведь по-прежнему оставался Монтгомери, а ни один из Армстронгов никогда не поверит, что среди Монтгомери не все кровожадные дикари. Пусть даже все, что она узнала о Грэме, противоречит такой мысли. Однако Эвелин надеялась, что присутствие графа и эдикт самого короля заставят Монтгомери вести себя достойно.

Эвелин больше узнает о характере мужа, когда они окажутся на его землях и у него не будет нужды сдерживаться в поступках и словах.

Она так ушла в свои мысли, что не заметила начала церемонии, не заметила, что стоит теперь лицом к лицу с Грэмом. Он потянулся к ее руке, и Эвелин на миг показалось, что сейчас он ее поцелует.

У девушки захватило дух. Прежде она об этом не думала. В голове появилась странная легкость.

Но Грэм просто взял ее за руку, повернул лицом к присутствующим и что-то произнес. Эвелин не видела его губ, а потому не могла понять слов, но догадалась, что скорее всего он объявил, что отныне они муж и жена или что она теперь Монтгомери. Или что они сейчас уезжают. Но что бы Грэм ни заявил, и гости, и хозяева встретили известие очень сдержанно. Точнее, угрюмо. Да, именно так можно описать выражение лиц собравшихся. Не было ни радости, ни праздничного настроения. Не будет праздничного пира с музыкой и танцами до самой ночи. Нет, ее свадьба была похожа на черную тучу, погубившую теплый весенний день.

И теперь ей предстоит проститься с теми, кого она знала всю жизнь: с родственниками, которые всегда защищали ее. Защищали и любили, несмотря ни на что. Им было все равно, глухая она или проклятая самим дьяволом. Она Армстронг. Единственная дочь Армстронгов.

Грэм тронул Эвелин за руку и потянул в сторону двери. Паника охватила ее душу, она только сейчас осознала, что они уедут сразу после венчания и что она теперь жена Грэма.

На миг Эвелин заупрямилась и подумала, что Грэм рассердится, проявит нетерпение. Но он просто остановился, не отпуская ее руки. Эвелин не двигалась с места. Грэм стоял, смотрел на нее без гнева или осуждения и просто ждал.

– Нужно идти, Эвелин. Мои люди ждут, – наконец произнес он.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Эвелин, почувствовав дрожь в ногах, вышла за ним из главного зала на лестницу, ведущую во внутренний двор, где с радостью увидела лошадь с крытой повозкой, которую приготовил отец, потому что дочь отказывалась ездить верхом.

За коляской выстроились три повозки, две из которых были нагружены ее приданым: продуктами, пряностями, драгоценностями, – все это были вещи большой ценности. Далее следовала повозка с сундуками, в которые уложили вещи Эвелин.

Все кончено. В замке не останется никакой памяти о ней, как будто она не существовала и никогда не жила здесь. Слезы выступили на глазах Эвелин.

Конечно, она стремилась к будущему, хотела стать женой, иметь собственный дом, хотя и не думала, что ей будет дарована такая возможность, но сейчас отчаяние заполнило ее сердце: ведь было понятно, что она не скоро увидит своих родных, если вообще когда-нибудь увидит.

Грэм коснулся ее щеки, утирая слезинку. Эвелин обернулась к нему и прочла по губам слова мужа:

– Пойди и попрощайся с семьей, Эвелин. Надо ехать.

Скованными шагами она направилась туда, где, выстроившись вдоль дорожки от ступеней до коляски, стояли ее мать, отец и два брата.

Эвелин обняла Эйдена, тот ответил ей крепким объятием. Он что-то сказал, но Эвелин уже подошла к Броуди и ничего не поняла. Броуди осторожно обнял ее и долго не размыкал рук. Когда он наконец отпустил сестру, губы его были плотно сжаты и он холодно смотрел на ее новоиспеченного мужа.

Мать и отец обняли Эвелин вместе, образовав тесный круг. Отец поцеловал ее в висок. Мать прижалась щекой к щеке дочери, и Эвелин ощутила, что лицо Робины влажно от слез.

У самой Эвелин ком стоял в горле. То, что еще вчера казалось волшебным приключением, превращалось теперь в пугающую реальность. Фантазии кончились. Она действительно покидает надежное семейное гнездо и устремляется навстречу неясному будущему среди людей чужого клана, которые ненавидят ее и все, что ей дорого.

Она едва сдерживалась, чтобы не кинуться на шею отцу и отгородиться им от Грэма.

Наступил час проявить силу духа. Последние годы она пряталась от людей. Если сейчас она струсит, разрыдается, покажет, что отказывается уезжать, в дом придет беда. Пострадает весь клан. Погибнут люди. И все из-за ее слабости и страха перед будущим.

Сердце щемило от боли, но Эвелин решительно отвернулась от родителей и сделала шаг к мужу, потом еще один. Несмотря на бушующий в душе ураган, она изобразила спокойствие на лице, а спину выпрямила так, что заболели мышцы.

Она не станет позором для отца и всего клана. Мать будет ею гордиться, а братья не будут страдать от ненужной боли. Она уедет отсюда по доброй воле и покорится мужу, потому что сама так решила, а не из-за приказа короля.

В шаге от Грэма Эвелин остановилась и гордо вздернула подбородок, а встретившись с ним взглядом, расправила плечи. Пусть все видят ее решимость.

Теперь можно ехать. Она готова.

Глава 11

Путешествие от границы земель Армстронгов до замка Монтгомери занимало в хорошую погоду всего полдня, а сегодня погода была прекрасной. Поздняя весна принесла тепло, лишь иногда налетали порывы прохладного ветра. Солнце стояло высоко над головой, поливая землю золотым дождем своих лучей.

Раньше в такой день Эвелин непременно унеслась бы в луга, просто от радости мчаться верхом. Подставила бы лицо солнцу, прикрыла глаза и полетела на своем жеребце куда глаза глядят.

Но так было, пока с ней не произошло несчастье. С той поры Эвелин не могла справиться с безотчетным ужасом при мысли о том, чтобы снова сесть в седло. Теперь ей хватало даже лошадиного запаха, чтобы проснулась память о том ужасном дне, когда сначала были страх и боль, а потом наступило безмолвие.

Неудивительно, что люди ее клана решили, будто она сошла с ума. Возможно, так и было. В те первые месяцы Эвелин действительно была не в себе. Не знала, как пережить случившееся, боялась, как отнесутся другие к ее глухоте.

Потом, когда прошло несколько лет, эти страхи показались ей глупостью, но разве она могла прийти к отцу с матерью и через столько времени попытаться объяснить, что именно с ней не так.

Вдруг в ушах Эвелин раздался слабый шум. Она склонила голову набок, потом быстро огляделась в поисках источника звука. Ей хотелось, чтобы он повторился.

Она увидела, как воины по очереди выбрасывали вверх сжатую в кулаке руку и, очевидно, что-то громко выкрикивали. Воздух дрожал от этих звуков и отдавался в ушах Эвелин. Ей казалось, она слышит их крики. Это было что-то невероятное, недостижимое прежде – как будто тянешься, тянешься к чьей-то руке и вдруг коснешься пальцев.

Потом для нее все опять стихло. Эвелин в отчаянии закусила губу. Ах, если бы чудо произошло еще раз! Она жила ради этих мгновений, когда, всей душой стремясь что-то услышать, вдруг почти ухватывала призрачную тень звука. Эвелин не хотела забывать звуки, но боялась, что с каждым уходящим днем они будут удаляться от нее и наконец исчезнут, чтобы никогда не вернуться.

Повозка поехала быстрее – человек, управлявший ею, пришпорил лошадь. Наконец они оказались на перевале. Перед глазами Эвелин расстилалась прекрасная долина. У нее захватило дух от восхищения.

Замок Армстронгов стоял на возвышенности – на крутом откосе большого холма, так что земля и камень сливались воедино и замок вырастал из склона прямо в небо.

Крепость Монтгомери располагалась между двумя горами. Рядом протекала река, изгибами уходя вдаль и, без сомнения, впадая в озеро.

Яркая весенняя зелень укрывала землю пышным ковром. Склоны холмов были усыпаны цветами. В отдалении паслось стадо овец. По противоположному склону бродили лошади и щипали траву. У подножия крутого подъема ниже крепости три ряда небольших домиков, по восемь в ряд, карабкались в гору.

Взгляд Эвелин постепенно находил все новые подробности: несколько домов у реки, которая катила свои воды вдоль стен замка, и на противоположном склоне

– правда, там дома располагались в беспорядке и выглядели не так ухоженно.

Замок был выстроен очень удачно. Его окружала каменная стена. Две высокие башни охраняли ворота из гигантских бревен, и потребуется несколько человек, чтобы открыть их. Эвелин не заметила ни одного недостатка, никаких признаков ветхости или заброшенности.

За воротами возвышался замок, прямоугольный и очень высокий. Эвелин подсчитала, что нужно по крайней мере четыре пролета, чтобы взобраться на верхний этаж.

Сооружение явно было построено в расчете на оборону. Чтобы перебить отряды Монтгомери и проникнуть в замок, потребуется громадная армия. Кроме короля, такой силой обладал только ее родной клан.

Теперь их вынудили подписать договор, нежеланный для обеих сторон, и Эвелин невольно задалась вопросом, как долго Монтгомери и Армстронги будут его соблюдать.

Повозки со стуком начали спуск, и когда они оказались у стен, гигантские ворота открылись.

Впереди колонны ехал Грэм в сопровождении братьев, затем катилась повозка Эвелин, а позади повозок с приданным следовали воины Монтгомери.

В просторном внутреннем дворе Грэм спрыгнул с коня и подошел, чтобы помочь Эвелин. Выходя из повозки, она слегка покачнулась – после долгой дороги у нее затекли ноги, и она чувствовала себя слабой, как новорожденный котенок, а в следующий миг уже осознала, что на нее направлены все взгляды. Куда бы она ни посмотрела, повсюду натыкалась на чьи-нибудь глаза, в которых горело жадное любопытство. Доброжелательных взглядов почти не было. Большинство присутствующих смотрели враждебно, сжав губы, прищурившись. Неприязненные гримасы искажали лица.

Эвелин задержала взгляд на одной из женщин и прочитала по ее губам: «Сука Армстронгов».

Сузив глаза, Эвелин запечатлела лицо женщины в своей памяти. Она не забудет нанесенного ей оскорбления.

Тем временем Грэм, слегка обняв ее за плечи, разговаривал с группой мужчин своего клана. Эвелин слишком поздно поняла, что он обращается ко всему клану, и не успела прочесть по губам его слов. Но что бы он ни сказал, большинству это явно пришлось не по душе. Их лица стали совсем угрюмы, а Эвелин прочла по губам еще несколько нелестных замечаний в свой адрес.

Никогда в жизни она не была так испугана и одинока. О приветливой встрече и речи не шло. От недоброжелательных пристальных взглядов у нее покалывало кожу. Эвелин казалось, что ее разобрали на части, оценили и сочли никчемным приобретением.

Из чувства противоречия она гордо вздернула подбородок. Она не позволит себя унижать и запугивать! Она дочь одного из самых могущественных лэрдов во всей Шотландии. Ей не страшен никто из Монтгомери! Она не опозорит Армстронгов, демонстрируя чужакам свою слабость.

Грэм повел ее к дверям замка. Они прошли мимо нескольких женщин клана Монтгомери, и ни одна из них даже не улыбнулась Эвелин.

Она смотрела прямо перед собой, не желая знать, что они говорят о ней. Она увидела достаточно, чтобы понять, как относятся к ее присутствию.

Главный зал оказался просторнее, чем у Армстронгов. В его обоих концах располагались огромные камины. Эвелин увидела возвышение со столом, за которым легко могла разместиться дюжина человек. В зале было еще несколько столов – это показывало, что многие из здешних обитателей питаются в замке.

У дальнего камина стояло несколько стульев и подставок для ног. Здесь явно было место для отдыха. Именно туда Грэм повел жену и усадил на мягкий стул возле огня. Эвелин внимательно следила за его губами, опасаясь пропустить какое-нибудь указание.

– Ты хочешь есть или пить?

Эвелин была голодна, но при одной мысли о пище ее желудок сжало спазмом. Она слишком нервничала, чтобы есть.

– Если чуть-чуть подождешь, вернусь и покажу твои покои. Я прикажу отнести туда вещи и разобрать их.

Эвелин даже не успела кивнуть в знак согласия, как Грэм повернулся и вышел из зала.

Боясь шевельнуться и привлечь к себе еще больше внимания, Эвелин сидела и ждала. Люди Монтгомери входили и выходили. Всем было любопытно посмотреть на новую родственницу, но ни одного дружелюбного лица Эвелин так и не увидела – ничего, что придавало бы ей уверенности и успокоило. Сейчас она остро почувствовала горе от разлуки с домом и со своим кланом. Она действительно была одна-одинешенька в безмолвном мире, где люди считали ее сумасшедшей дочерью своего злейшего врага.

Грэм вернулся очень скоро, подошел к ней и подал руку. Эвелин смущенно вложила свои пальцы в его ладонь, чтобы он помог ей подняться.

Муж что-то говорил, но Эвелин не видела его лица и не могла понять слов. Это ее еще больше расстроило. Она попыталась идти быстрее, чтобы заглянуть ему в лицо, но не смогла подстроиться под широкий шаг Грэма.

Когда они оказались у подножия лестницы, Грэм сделал жест рукой, пропуская жену вперед. Эвелин с неохотой подчинилась. На следующем этаже Грэм повернул с площадки в широкий коридор, в который выходило несколько дверей. В конце коридора Грэм остановился, распахнул одну из дверей и жестом пригласил Эвелин войти.

В просторной комнате было два окна. Эвелин догадалась, что комната угловая, потому что окна располагались на двух близлежащих стенах. На одном из окон тяжелые занавеси были сдвинуты, а на втором закрыты и закреплены кожаными завязками, чтобы ветер не теребил концы.

Комнату заливал солнечный свет. Нужды в свечах, которые горели вдоль всего коридора, не было. У дальней стены находились кровать и умывальник, а возле небольшого камина стояло кресло. Другой мебели в комнате не было. Здесь явно

никто не жил; может быть, иногда останавливались гости.

Эвелин удивленно повернулась к Грэму – зачем он привел ее в эту комнату? Он обвел помещение рукой и сказал:

– Я велел принести сюда твои сундуки и прислать кого-нибудь их разобрать. Тебе помогут устроиться. Будет лучше, если ты отдохнешь до ужина.

Эвелин ответила ему все таким же удивленным взглядом и еще раз оглянулась вокруг. Здесь будет ее комната? Она нахмурилась, не понимая, что все это значит. Грэм ее муж. Они должны жить вместе. Так заведено. Сколько Эвелин себя помнит, у отца и матери всегда была общая спальня. Более того, отец возражал, чтобы мать спала где-нибудь в другом месте.

Ее хотят свести до положения гостьи? И, судя по всему, непрошеной гостьи.

Грэм удалился. Эвелин осталась в одиночестве размышлять над создавшимся положением. Нет, так не пойдет, это никуда не годится!

Место жены вместе со всеми ее пожитками рядом с мужем, а не в гостевой комнате. Надо придумать, как это исправить.

Глава 12

Грэм отправился на поиски Рори. Во внутреннем дворе ее не было. Она не пришла поздороваться с ним и с братьями после их возвращения из поездки. Это так на нее не похоже.

Как и ожидал, он отыскал ее в комнате, которую использовал в качестве кабинета. Здесь он читал послания, отвечал на них, здесь держалgrossбухи, записи хозяйственных дел клана, регистрировал рождения и смерти всех Монтгомери, обретавшихся под его властью.

Его отец был весьма щепетилен в этих вопросах и настоял, чтобы Грэм научился читать и писать в самом юном возрасте. Других мальчишек учили искусству

войны, часто баловали, а Грэм проводил долгие часы при свечах, заучивая алфавит и читая отчеты, составленные отцом.

Роберт Монтгомери был уверен, что знающий воин всегда победит невежественного, а потому настаивал, чтобы сын в первую очередь развивал ум, – тогда станет хорошим воином даже с точки зрения физической готовности к бою.

Грэм был не во всем согласен с отцом, но в то время у него не было выбора.

Рори, напротив, очень стремилась научиться читать и писать. Чтобы овладеть этой наукой, она просто набрасывалась на любой письменный текст, который попадал ей в руки.

Она вообще была довольно странной малышкой, но при этом истинной Монтгомери. Грэм очень любил сестру.

– Все еще надеешься когда-нибудь стать лэрдом? – с улыбкой спросил он от двери.

Рори вздрогнула от неожиданности и с виноватым видом прикрыла рукой свиток, который сосредоточенно изучала.

– Почему ты не вышла встретить нас? – негромко спросил Грэм.

Сестра вздохнула.

– А какой смысл? Ты привез домой маленькую полоумную Армстронг. Что нам праздновать?

Грэм нахмурился.

– Когда ты стала такой беспощадной, Рори? Раньше ты не делала выводов, не узнав человека.

Рори с удивлением посмотрела на него:

– Она из клана Армстронгов, Грэм. Что тут еще выяснять? И прежде чем читать мне нотации, вспомни: нас с самого рождения учили ненавидеть всех, кто носит имя Армстронгов.

Грэм глубоко вздохнул и сказал:

– Она не просто Армстронг, Рори. Она моя жена, и теперь она Монтгомери. Надеюсь, ты будешь относиться к ней с уважением. Мне бы хотелось, чтобы ты пошла к ней и была с ней любезна. Она сейчас в своих покоях. Скорее всего испугана и очень одинока. Ее встретили крайне враждебно. Не знаю, что из этого она поняла, но любой дурак понял бы, что в клане ее ненавидят. Для этого я тебя искал.

Рори задумалась.

– Насколько она не в себе, Грэм? Слухи преувеличены?

Грэм провел рукой по волосам и вновь вздохнул.

– Я не знаю. Мне нужно еще многое узнать о ней. Иногда она как будто уходит в другой мир. Ни на кого не реагирует. Но я сумел с ней пообщаться. Ее завораживает моя речь, что так странно. Говорят, это на нее не похоже. Ее мать была поражена тем, как Эвелин на меня реагирует. Полагаю, что все не так просто, как кажется. У меня не было времени разобраться в этом как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/mayya-benks/unaya-zhena/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/mayya-benks/yunaya-zhena-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)